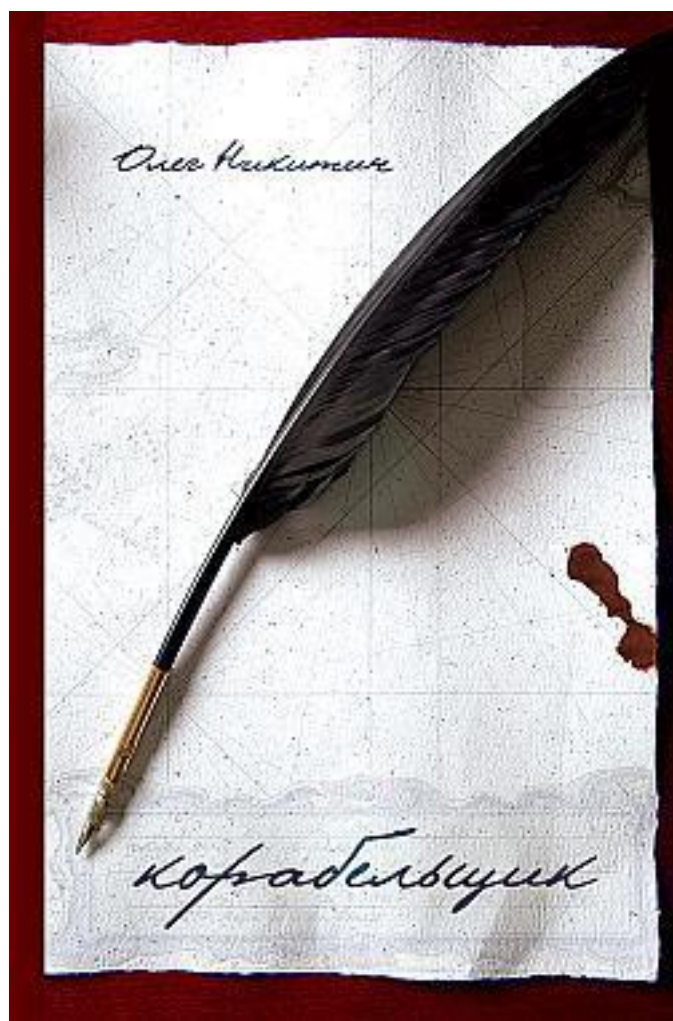

Олег Николаевич

корабельщик

Олег НИКИТИН
Корабельщик

«Автор»

2007

Никитин О. В.

Корабельщик / О. В. Никитин — «Автор», 2007

Здесь нет больниц и нет тюрем – они не нужны. Здесь не думают о старости – её нет. Здесь совершеннолетними становятся в 12 лет. Здесь всё, как у нас – почти как у нас, но в эпоху паровых машин. Но главное, здесь не боятся смерти... здесь Смерть боготворят...

© Никитин О. В., 2007

© Автор, 2007

Олег В. Никитин

Корабельщик

роман

0

Если взглянуть на берег со стороны моря, скажем с лодки, то можно различить среди мутной, словно размазанной по склонам зелени крошево приземистых рыбацких домиков и охотничьих заимок. Остальное – а это многие квадратные мили портовых построек, большей частью заброшенных еще в прошлом веке, прокопченных буксиров, списанных парусных судов Королевской Колониальной компании, полузатопленных барж и даже одного крейсера, который мирно ржавеет в акватории со времен последней войны – скрыто за пологим мысом. На котором, собственно, и лепятся лачуги промысловиков. По этим халупам, большую часть года пустующим, во время войны однажды ударили из корабельной пушки, не попали и тотчас забыли. Скорее всего, засевшие в срубах редкие обитатели даже не расслышали за гулом бипланов, как осыпаются мутные стекла их домиков. Потом можно было разглядеть в стенах неровные пятнышки бурого с глубокой щербиной посредине – от увядающей на пределе дальности пули.

А может, бипланы были уже потом и совсем в другом городе, спустя несколько дней после неудавшегося десанта?

-9

– Кажется, меня зацепило, – пожаловался Ефрем. Он прислонился к шершавой стене, не обращая внимания на ворох битого стекла под ногами. Его губы искривились, как ни старался он делать вид, что боль ему нипочем.

Тут же в полусотне саженей ниже по улице Восстания опять разорвался снаряд, и по мостовой покатались каменные обломки, будто стараясь обогнать друг друга. Из рваного пролома запоздало выпал массивный шкаф и с неожиданно громким треском развалился на тротуаре, рассыпав ворох цветных тряпок.

Максим выглянул из-за угла: никто так и не появился, все давно смылись в порт, чтобы поучаствовать в сражении или помочь советами военным. Только мелкий отряд нескладных новобранцев в форме пробежал в отдалении, сквозь тучу пыли. Наверное, подкрепление для тех, что обороняли порт. Развороченный дом – как раз то, что нужно, и нет никого, кто мог бы схватить за руку.

– Эй, ты чего? – Слегка загорелое лицо Максима напряглось почти так же, как и у напарника. Тот словно посерел и стал валиться набок, цепляясь за стену свободной рукой. Вторая продолжала стискивать кусок арматуры, будто она могла чем-нибудь помочь.

Максим кинул свою заточенную железку и схватил товарища за рукав, но удержать не сумел – тот тяжело опустился на битое стекло. Левую руку он прижимал к задней стороне бедра. Между пальцами Ефрема сочилась кровь, впитываясь в ткань штанов.

– Это ничего, – прошептал он. Но видно было, что ему страшно, настолько, что звуки близких разрывов уже не заставляют его вздрагивать. На ногу он не смотрел. – За гвоздь зацепился. – И кивнул в сторону забора в глубине тупика, через который они перелезли несколько минут назад.

Максим отогнул липкие, красные пальцы друга, разорвал влажную ткань и увидел глубокий порез. Кровь слабыми толчками выплескивалась из него – наверное, осколок повредил артерию. Он услышал, как коротко вскрикнул товарищ, когда уже спрыгнул вниз, и вспомнил, что тогда действительно мимолетно подумал об острой щепке, на которую наткнулся Ефрем. Но в тот момент неподалеку как раз гроыхнуло... “Пришел и его час”, – мелькнула привычная мысль в голове Максима. Но как же не хотелось верить, что последний из школьных друзей погибнет так нелепо, по случайности! Тот, с кем не только родился и вырос в одном дворе, с кем первые три класса просидел за одной партой и даже устроился на работу на одну и ту же фабрику, должен был умереть – хорошо еще, что вдали от дома и чужих глаз. Только освобожденный и его освободитель... Может быть, даже лучше, что именно Максиму довелось стать свидетелем ранения друга – принять Смерть от его руки Ефрему будет легче, чем от гвардейцев или простой потери крови.

Ефрем вырвал пальцы и вновь прижал их к ране, стискивая ее в попытках остановить кровотечение. Он уже плохо владел собственным телом и не понимал, что это слабый организм пытается из последних сил отвратить гибель.

Максим взял свое “оружие” и медленно поднялся. Нога заныла, словно это он сам получил ранение, а не Ефрем. Острие арматурины уткнулось в грудь товарища, в то место, где под ребрами продолжало биться сердце, бестолково гоня кровь сквозь рану. Ефрем коротко вскрикнул, не сводя с напарника черных, расширенных глаз, но ничего не сказал. Он сам поступил бы точно так же – все, кто ранен, кто не может самостоятельно выжить или прокормить себя, должны быть добиты, чтобы их маленькое, тесное жизненное пространство было занято напирющей, полной сил молодой порослью, младшими братишками или сестрицами. Таков непреложный закон жизни.

Железка выпала из рук Максима. Он вдруг вспомнил, как три года назад друг спас его от личной проверки самодельных махалок – Ефрем обязательно хотел спрыгнуть с крыши сам, азартно споря с изобретателем.

Максим вновь нагнулся и вспорол перочинным ножиком ткань влажной штанины.

– Не дрейфь, приятель, – бодро сказал он. – Тебе ли бояться порезов? Сейчас забинтуем, и станешь как новенький. Точно тебе говорю. Тут и крови-то почти нет...

– Правда? – несмело улыбнулся Ефрем.

– Правда, конечно. Ты просто испугался, вот и ослаб. Сейчас замотаю.

Внезапно прямо над их головами в дом ударил снаряд, и сверху посыпалась каменная крошка. На тротуар поодаль упал кусок стены, подняв тучу белесой пыли; это заставило друзей прижаться к земле. Не теряя времени, Максим разорвал ткань на несколько полос и туго обмотал товарищу бедро, полностью скрыв рану. Затем помог подняться, поддерживая за пояс, и всунул в свободную руку Ефрема кусок железа.

– Нормально? Иди сам, а то мне тяжело тебя держать. Да и опасно, вдруг патруль...

Ефрем заковылял рядом, но было видно, с каким огромным трудом дается ему движение. На лице у него выступила испарина, особенно заметная оттого, что оба лазутчика были вымазаны в пыли.

– Ладно, ты подожди меня здесь, понял? – внезапно сказал Максим. – Я быстро.

– Ты правда вернешься?

– Здесь же самая короткая дорога! Лежи, пока рана не затянется.

– Она не успеет... Подожди, Макси. – Ефрем опустил на брусчатку, едва не утянув приятеля за собой. Он выглядел осунувшимся, словно разом повзрослевшим. – Ты должен освободить меня. Иначе...

Максим отмахнулся и скользнул вдоль стены здания, выбравшись на улицу. Здесь все так же никого не было, но он знал, что в некоторых квартирах точно остались жители. Пусть их совсем немного, но они обязательно найдутся – те, которым уже неинтересно поучаствовать

в настоящем сражении. Или те, которые трясутся за свой скарб и боятся быть ограбленными: всякие пожилые тетки и старики, случайно дожившие до тридцати. А вот у патрулей сейчас другой работы полно, им надо добивать раненых, а на мародеров уже не хватает сил. Вот тут-то и настанет время таких крутых пацанов, как Макси и Ефрем. Недаром учитель права, которого даже коллеги за глаза называли Параграфом, на своих уроках не раз говорил в обычной выпендренной манере, сокрушенно качая головой: “Оспорить справедливость королевских Уложений – значит ступить на гибельный путь пренебрежения к Праву... – Все свои любимые слова он произносил только с большой буквы, подняв глаза к потолку. – Несправедливо короток земной путь преступившего Закон индивида”. Да, кличка у него была самая подходящая, он и ходил-то сгорбившись, словно нагруженный ворохом пыльных томов.

Избавившись от надоедливой образа учителя – в конце концов, в поисках жилища с признаками запустения и завалившимися за плинтус ценностями нет ничего противозаконного – и стараясь наступать на носки ботинок, Максим побежал вдоль стены, обшаривая глазами черные окна домов на противоположной стороне улицы. В одном из них, кажется, мелькнула чья-то хмурая физиономия, но тотчас исчезла. Да ладно, какое тут кому дело до вороватого парнишки, когда снаряд готов разорваться в твоей квартире? Свое бы добро уберечь.

Максим обогнул нужный дом и втиснулся в узкий, не больше сажени шириной проулок. Тут нестерпимо воняло гарью и кошачьей мочой. Обвалившаяся стена удачно образовала огромную кучу мусора – кирпичи вперемешку с остатками выцветших газет, покрывавших стены, обломки зеркала, полированные деревяшки... Здесь же валялась и покореженная табличка с номером дома. Максим вспрыгнул на кучу и резво вскарабкался наверх, не забыв оглянуться. Тут уже было рукой подать до вожделенного пролома. Его край чуть не осыпался под сильными пальцами, привыкшими к работе с неподатливым металлом. Ладони скользнули по кирпичной крошке, но Максим удержался и перевалился внутрь. Рядом с ногами зияла дыра на нижний этаж – снаряд пробил перекрытие и ухнул где-то внизу. Удивительно, как мало разрушений он причинил, бракованный был, что ли?

Максим отскочил подальше от окна, чтобы его не заметили с улицы.

Воздух тут все еще полнился густой пылью, и Максим чихнул, не сдержавшись. Эхо встревоженно метнулось между стен, постепенно погаснув, а он еще с минуту напряженно прислушивался к далеким разрывам снарядов, стараясь уловить в привычных звуках что-то чужеродное. Но дом, похоже, был пуст.

Эта квартира состояла из двух больших комнат. Вся мебель в той, где очутился Максим, оказалась разрушенной взрывной волной или осколками, и на остатках пола валялись какие-то цветные тряпки, простыни и прочая чепуха. Он наскоро, обходя по краю провал, распинал эти залежи, не особо надеясь на удачу, однако ему повезло – нога ударилась о что-то более массивное, чем наволочка. Максим развернул тряпку и увидел блестящий, судя по всему серебряный портсигар.

– Сгодится, – пробормотал он и на ощупь затолкал находку в мешок, висевший у него за спиной на двух потертых лямках. Еще в прошлом году, в апреле, он ходил с ним в школу. Сейчас-то, конечно, уроков никаких нет, да и кто станет учиться, когда в городе война? Даже некоторых учителей призвали в ополчение, и старшекласники многие хотели пойти добровольцами, только их не взяли. Максим страшно злился, что его угораздило родиться на два года позже, а то бы сейчас он тоже стрелял по врагам из настоящего ружья. Или даже пулемета, а то и мортиры! Родиться еще на пару лет позднее тоже было бы неплохо – уж ему-то каникулы всегда нравились, не то что некоторым зубрилкам. А теперь он работает на фабрике, и придется идти туда завтра утром...

В соседней комнате было получше. Помимо книжных и прочих шкафов, тут стоял секретер, который сразу привлек внимание Максима – с него-то он и решил начать. Острые арматуры вошло в едва заметный зазор, Максим надавил всем телом, загоня орудие подальше в

щель, и вскоре замок хрустнул, ломаясь. Жестяная плошка с украшениями! Из нескольких отсеков, в одном – серьги, почему-то непарные, в другой цепочки, бусы и камушки со следами клея и сквозными дырками. Хлам, но на еду и торф хватит. Кто еще семью прокормит, когда на карточку только всякую дрянь и дают? Тут Максим слегка покривил душой: Дуклида совсем неплохо зарабатывала в своем Земельном Приказе. Но ничего, война все расставит на свои места, и Военному ведомству придется разместить в “Оружейных мастерских” многотысячные заказы на разное оружие, а не только на броненосец “Викентий Великий”.

– Ну-ну, – раздался сзади насмешливый, гадкий, до жути знакомый голос. Максим вздрогнул, от неожиданности выронив оружие. Все посторонние мысли, сумбурно метавшиеся в его голове, словно вымерзли. – Мародерничаете?

В комнату вошли трое парней под командой Гермогена по кличке Дрон. Максим не был бы самим собой, если бы не принял мгновенного решения – типичного для случаев, когда ему приходилось сталкиваться с этим типом и его гнусной командой где-либо, кроме собственного двора. Туда, впрочем, Дрон заглядывал нечасто, по особой надобности, и вел себя при этом словно первый отличник в классе, примерный в учебе и поведении. Эдак слащаво здоровался с прохожими и улыбался.

Даже не нагнувшись за арматуриной, Максим бросился к окну и ударил в раму ногой, собираясь выбить ее и выпрыгнуть на улицу. Высота не страшила его – какие-то пара саженей! – а вот лишиться добычи или даже жизни в лапах Дроновых дружков было бы глупо. Но хозяйева, видать, не успели расклеить окна после зимы, и рама только натужно хрустнула и открылась лишь ненамного. Максим толкнул ее рукой, тут-то его и повалили на пол.

– А поздороваться? – ухмыльнулся Дрон. Его соломенные волосы, собранные в два пучка над самыми висками, свесились едва ли не на грудь Максима. Того прижали спиной к подоконнику, и сквозь распахнувшееся окно со стороны порта отчетливо доносился гул канонады. Редкие усики, только начавшие проявляться на губе Гермогена, белели от пыли, а на кончике хищного носа покачивалась мутная капля пота. Утомился, модник проклятый. – Невежливый ты какой-то, Максик. Учись у меня. Поглядите-ка, что там у него в котомке.

– Все в ящичке осталось, – проговорил Максим. Сердце гулко стучало под ребрами, а ноги налились тяжестью. От резвости не осталось и следов – мышцы как будто набили песком пополам с ватой. – Отпусти! А у тебя мне учиться нечему...

– Кто бы говорил, – продолжал глумиться Дрон. – Забыл, как Риска тебя со мной сравнивал? Мне Лупа изволил сказать, этот безмозглый идиот.

– Да ладно тебе... – заныл Лупа. – Забыто уже.

– Он сгоряча! – разозлился Максим. – Я почти без двоек учился!

– Вот, смотри сюда, – сообщил один из подручных Дрона, тот, что упер в бок пленника лезвие самодельного ножа. Явно пытался бегут выточить, да только пропорции нарушил, кретин. Если, конечно, сам мастерил, а не отнял у кого-нибудь послабее. Свободной рукой он нашарил в портфеле Максима портсигар и теперь вертел им перед лицом Дрона. Тот выхватил добычу и кинул ее в холщовую сумку, что болталась у него на плече.

Лупа тем временем заглянул в секретер и принес коробку со сломанными и непарными побрякушками.

– Серебро с камнями. На курево хватит! На месяц затаримся, точно. Погуляем с девочками!

– Ссыпай сюда, Лупа, да изволь не трепаться. – Дрон распахнул свой мешок пошире.

– Мне тоже надо, – насупил тот и сгреб щепотку сережек. – Я Гаафке обещал принести что-нибудь на уши.

Дрон прищурился на него, смерил взглядом, но ничего не сказал – как видно, решил отложить разборку с подчиненным до подходящего момента. Вновь повернувшись к Максиму, он произнес:

– Отпустить, говоришь? Не извольте тревожиться! Нет уж, сударь, удача такая редко бывает. Кто ж тебя теперь отпустит? Я так и знал, что ты тоже промышляешь чужими талерами...

– Я ничем таким не промышлял, – отрезал Максим. – Мне квартира нужна.

– Да что ты говоришь? Для своей Евки небось? Какой заботливый нашелся! Ну что, приведем в действие закон? – Дрон обвел безумными глазами соратников, затем поднял кусок арматуры и встал перед Максимом. – Именем Его Величества, исполняя волю предков и букву уложений... – нараспев заговорил он, с каждым словом возвышая голос. Как только ухитрился формулу запомнить, урод?

Максим дернулся, неотрывно глядя на блестящее, недавно заточенное острие своего собственного оружия, но оба ублюдка по бокам держали крепко. Они были выше и сильнее, и Максим понял, что этот психопат действительно собирается прикончить его. И поимка в разрушенном доме – только удобный для него повод, чтобы пустить кровь сопернику. Вон как раскраснелся!

– Все равно Дуклида с тобой жить не станет! – крикнул Максим. – Она сразу поймет, что это ты меня убил, гад! Как и моего брата!

– Неужели? Я так не думаю. Почему же, изволь, я тогда еще жив, а не освобожден благочинным? – Однако пафос с Дрона все-таки слетел, да и товарищи поглядели на него как-то насмешливо, совсем не так благоговейно, как за минуту до этого, когда предводитель произносил слова, святые для каждого подданного Королевства. Он ответил им бешеным оскалом рта и выпученными в ярости глазами, и те поспешили вернуть на физиономии должное выражение.

-10

Однажды в январе Дуклида вернулась с работы не одна, а в компании с Дроном. Трофим как раз стругал полешко на растопку, чтобы огонь занялся побыстрее, а Максим чистил огромную, сморщенную репу, чтобы приготовить из нее кашу. Оба постукивали зубами от холода и встретили Дуклиду возмущенными криками.

– Безобразие! – заявил Трофим. – Два мужика пришли с работы, хотят есть, а дома ничего не готово. К тому же холодно!

Тут из снежного вихря вывалились обе фигуры, причем долговязый Дрон придерживал Дуклиду за локоть. Его трех был заливчатски сдвинут на затылок, а со лба свисала прядь мышинового цвета волос.

– Добрый вечер, господа, – сипло проговорил он. – Извольте принять сестрицу в целости и полной сохранности.

– Это же Дрон, – потрясенно прошептал Трофим. – Когда они успели познакомиться? Ты не знаешь?

Дуклида тем временем, глупо суетясь, снимала с гостя тулуп. Их облепленные снегом валенки оставляли на дощатом полу неопрятные следы, да и с шуб нападало порядочно. Девушка скользила на влажных пятнах, а Дрон величественно, словно патрульный на посту, возвышался над ней, едва не подпирая вешалку, и гундосил:

– Я ненадолго, Лидуся... Даже чай не буду... Не изволь...

– Никакого чая нету! – вдруг крикнул Трофим. – Мы сами только с работы.

– Ну что ты горланишь, Трофимка? – поморщилась Дуклида. – Гермоген подождет, правда? – Ее голос был слащавее патоки. – Дагерротипы посмотришь...

Ребята провозились в кухне не меньше получаса, прежде чем у них сварились овощи и закипела вода для чая. В отместку Трофим бросил в кипяток самые целебные травы – а потому

и вкус у них был соответствующий. Прихлебывая из единственной целой кружки, Дрон едва заметно морщился, охватив бока емкости худыми пальцами, и приговаривал:

– Класный у тебя сбор, Лидуся... Поди ягеля полно. Никакие заразы не пристанут... – И хмуро, незаметно для девушки косился на ребят прищуренным глазом, словно сквозь прицел винтовки – запоминал их лица, что ли? Виделись они редко, ведь Дрон жил в другом доме, пусть и расположенном по соседству.

Потом они надолго уединились в комнате, из-за плотно прикрытой двери какое-то время доносился голос Дрона, а затем наступила полная тишина, и ничто не мешало слушать вой метели за окном. Ни один огонек не пробивался сквозь пелену снега. Лучшего времени для усвоения школьного материала нельзя было и придумать, но в голову Максиму ничего не шло, он лишь тупо тарачился в учебник ботаники, наблюдая за волнами света, что ложился на страницу от пламени свечи. Трофим мрачно сопел, водя карандашом по бумаге – ему, кажется, все это не нравилось намного больше, чем брату.

– Дорофея же переехала к своему парню жить, – бормотал он себе под нос. – И ничего...

Дрон-Гермоген ушел поздно, а Дуклида, проводив его, заглянула было к ребятам. Но так ничего и не сказала, только шумно вздохнула и заперлась в ванной. Там она долго, молча поливала себя из ковшика теплой, едва нагретой водой.

В середине февраля над горизонтом наконец-то должен был возникнуть краешек Солнца – ненадолго, всего-то на минуту-другую, но праздновали это событие словно день рождения Короля. С самого утра, поскольку муниципия по традиции отпустила государственных служащих на выходной, горожанки намывали окна, отскабливая со стекол налипшую за год грязь. По квартирам порой гулял ветер вперемешку со снегом, но разве это кого-то трогало в такой удивительный праздник?

Погода не подкачала: ветер разогнал низкие, рыхлые тучи, показались редкие стелющиеся звезды, но с приближением полудня они стали заметно блекнуть. А жизнь в Ориене вскипала, торговцы наполняли улицы призывами, дети барахтались в снегу и поглядывали вдоль Морской улицы. Там, на востоке, должна была показаться самая верхушка горячего, белого горба Солнца.

Максим с Трофимом выбрались на покатый скат крыши, чтобы не пропустить этот торжественный момент. Крышу покрывал тонкий слой наста, и приходилось пробивать его пятками, чтобы невзначай не поскользнуться.

– Хорошо, что туч нет, – проговорил Трофим. Он усиленно натирал щеки варежками и громко дышал в них, отчего капельки влаги, замерзая, оседали на его бровях. – Не то что в прошлом году.

– Точно, – поддакнул Максим. Он утвердился на гребне крыши, в полусажени от края, а брат, поскольку был выше ростом, остался немного позади.

Горизонт наливался алым, бледнел и разгорался, гася крики толпы. Никто не мог оторвать взгляд от этого зрелища, даже продавцы мороженого замолчали, ведь ничего, кроме раздражения, сейчас их крики вызвать не могли. Светило, едва не замерзшее под ледяной коркой за зиму, властно поднималось, проталкивая свою знойную тушу в темно-серое небо. Цвета в точке соприкосновения поплыли, смазываясь. Казалось, там происходит невиданный катаклизм, и глубинные силы пучат лед, вздымая его колоссальными торосами, оплавленными жаром, а фонтаны пара бьют вверх, затуманивая даже сами недостижимые звезды – далекие сестры и братья Солнца. И наконец Тьма – матушка Смерть, владычица над всем сущим в этом мире, и ее сын встретились, обнявшись и опалив своим божественным соприкосновением зрачки множества горожан.

Максим и сам не понял, как его рот оказался широко раскрыт и почему из глотки рвется безумный вопль восторга, поклонения и всего прочего, невыразимого словами. Несмотря на

ледяной ветер, сметающий с крыши, ему было почти жарко. Со всех сторон неслись оголтелые крики, какие вряд ли услышишь в любой другой день года.

Максим обернулся, чтобы в порыве чувств хлопнуть брата по плечу или чему придется, но того почему-то не оказалось на месте. Зато в одной-двух сажнях позади стоял Дрон и махал шапкой, зажатой в кулаке. Свободной рукой он держал что-то вроде багра – палки с загнутым внутрь крюком: наверное, надеялся зацепиться им за лед, если вдруг поскользнется. Вообще, на крыше собралось тридцать-сорок ребят и девчонок, многие подпрыгивали и обнимались. Но Трофима среди них не было, зато по скату тянулась дорожка примятого наста.

Обмирая от жуткого предчувствия, Максим бросился в сторону лаза. Когда он пробежал мимо Дрона, тот равнодушно обронил:

– По-моему, кто-то изволил свалиться вниз. В сторону Морской... Это не твой братишка был?

Чуть не сорвавшись, Максим юркнул в люк и кинулся вниз по лестнице, грохоча ботинками по ступеням. Когда он выбежал из парадного, движение народа возобновилось, потому что краешек Солнца уже успел скрыться под ледяным панцирем океана. Несколько раз столкнувшись с пешеходами, избежав попадания под колеса мобиля и выслушав с десятков добродушных окриков, он гулко промчался сквозь арку, обогнул дом и сразу увидел брата. Это был он, потому что рядом с его обнаженной, нелепо подвернутой головой лежала серая песцовая шапка.

В этот же момент один из двух гвардейцев, закончив произносить ритуальную формулу, проткнул грудь Трофима штыком. Когда они ушли, Максим некоторое время посидел на снегу рядом с мертвым братом, стараясь не смотреть ни на его жуткую рану, ни на лицо, уже покрывшееся тонким слоем изморози. Только перед тем, как появился закопченный фургон с печью, чадающий приторным дымом, он машинально нащупал на его рукаве рваную дыру – словно клочок ткани был вырван чем-то острым...

Сразу вспомнился Дрон с его фальшивым равнодушием на худой физиономии.

-9

Испугаться по-настоящему Максим так и не успел. Лупа, привлеченный каким-то шумом с улицы Восстания, выглянул наружу и тотчас спрятал голову обратно, выпустив пленника.

– Там патруль! – сдавленным шепотом выдохнул он.

– Бежим! – взвизгнул другой и кинулся в комнату с проломом.

Максим, потеряв опору, пошатнулся и тем избежал прямого удара в грудь – Дрон просто кинул в него железку и бросился вслед за товарищами. “Копье” царапнуло подоконник и звякнуло внизу, о камни мостовой. Очевидно, оставаться тут было тупо, гвардейцы явно собирались посетить разгромленную квартиру в поисках мародеров, раз уж появились возле пострадавшего дома.

Максим внезапно понял, что не в состоянии подняться. Прислонившись к стене, он сполз на пол и прижал ладони к лицу, не давая внезапно выступившему поту сбежать со лба. Ему казалось, что он не сможет пошевелиться, и патрульные просто убьют его, как только взглянут на метрику. Вдруг со стороны окна донеслись винтовочные выстрелы – один, другой, затем посвист, ругань и чей-то короткий вопль. Зазвенело осыпающееся стекло. Голоса приблизились – один грубый, властный, и несколько оправдывающихся. Патруль подошел к дому, и Максим справился все-таки со слабостью.

Не вставая, он поправил котомку и пополз на четвереньках к провалу на первый этаж, попадая коленями на острую кирпичную крошку. Решение пришло вместе с пониманием того, что бежать через пролом в стене нельзя, и он, повиснув на руках, прыгнул в нижнюю квартиру.

Там как раз валялась на полу рваная перина, она-то и погасила звук удара. Наверху зазвучали голоса, а вслед за ними – неразборчивые проклятия: кто-то осыпался по куче, пытаясь одолеть подъем. Максим, не поднимаясь на ноги, по-кошачьи неслышно прошмыгнул в соседнюю комнату, а оттуда к выходу из квартиры.

– Да пусто тут, командир! – донеслось сверху. – Трое их было.

– Было-то трое, а сколько обезврежено? – прорычал некто. – Ты вообще стрелял хоть раз, пацан? И как таких в ополчение берут, не понимаю!

Максим пробрался к двери и перестал разбирать ворчание командира. Второпях поковырявшись в замке и открыв его, он прислушался к наружным шумам и ничего не различил. Внезапно что-то тяжелое упало наверху, в комнате с дырой в потолке – одного из патрульных погнажи-таки вниз. Дотошные, сволочи.

Борясь с ледяным испугом, Максим выскочил наружу, аккуратно прикрыв за собой дверь. Стараясь ступать на носки, он бросился вниз по короткой выщербленной лестнице. К счастью, выход располагался не на улице Восстания, а во дворе. В нос ему ударила густая смесь тухлых, кислых и просто смрадных запахов – посреди бывшей детской площадки всего за месяц войны выросла огромная куча мусора.

Ближайший выход со двора находился там, где сейчас, после попадания снаряда, возникла груда битого кирпича. Но бежать туда было никак нельзя, и Максим кинулся прямо, огибая мусор по краю, оскальзываясь на жестяных банках и чем-то блеклом, тягучем, как слюна. Когда он уже почти заскочил в подворотню, ведущую на Морскую улицу, сзади ударили хлесткие выстрелы. Хлам посреди двора вспенился ошметками застарелой слизи, бумажных пакетов и проеденной крысами, изношенной обуви. Сами зверьки поспешили броситься врассыпную, решив, что охотятся на них.

– Стой! – завопили из разбитого дома. – Стрелять буду!

Но Максим уже скрылся за поворотом. Не останавливаясь, он свернул на Морскую и замер возле угла, переводя дух. Сердце гулко, словно забарахливший мотор мобиля, трепыхалось под ребрами.

Тут уже прогуливались редкие прохожие, которым почему-либо не захотелось подойти к берегу поближе. Большинство не обратило на Максима никакого внимания, увлеченно разглядывая вражеский крейсер в бухте и следя за мельтешением солдат на пирсах и пристанях. Часть защитников старательно, но не очень умело перекачивала пушки на лафетах и даже порой стреляла из них. Когда Максим с Ефремом болтались по пристани полчаса назад, такого столпотворения еще не было, гвардейцы и гражданские соблюдали относительный порядок. Но стоило крейсеру ударить из пушек, как народ охватило негодование – тут-то Максим и сообразил, что пора сваливать. Не имея нормального оружия и фактически подставляясь под картечь, многого не добьешься.

Сейчас ему вдруг страстно захотелось поглядеть на войну “изнутри”, однако он сдержался и шмыкнул в тот же проулок, через который они с Ефремом уже пробирались. Пришлось перепрыгнуть через свежую воронку – похоже, осколок камня и ранил друга. Максим вновь подтянулся на руках, переваливаясь через шаткий забор. Гвардейцев ни слышно, ни видно не было, а вот Ефрем застонал, едва заметил приближение соратника.

– В тебя стреляли? – спросил он.

– И в меня тоже, – прошептал Максим. – Давай выбираться отсюда.

– Я не смогу, – выдавил Ефрем. – Я уже пробовал стоять, не получается.

Выглядел он не слишком хорошо, да что там – просто отвратительно. Обычно яркие губы побледнели, налившись синевой, и апатия владела всем его телом: даже не потрудился вытереть порезы от битого стекла на руках, кровь размазана неряшливыми потеками.

– Сможешь!... Прости уж, Ефремка, что я тебя сюда затащил. Лучше бы мы на пристани сражались и погибли как герои.

– Ничего... Я сам согласился. Тебе ведь квартира нужна, верно? Ты хотел выбрать, пока все на пристани? Я сразу догадался... Лупа хвастался, что Дрон и тебя прикончит... Чтобы ты не мешал им с Лидкой...

Максим промолчал, решительно протянув Ефрему руку.

– Ты ведь обещал сестре, что вернешься! – воскликнул он. – Я сам слышал. Вставай же!

Ефрем вздрогнул и стал медленно, вялыми толчками подниматься – сначала на колени, затем на ступни, почти не опираясь на раненую ногу. Повязка на его бедре казалась черной. Максим подставил ему плечо, помогая устоять.

– А где твоя пика? – спросил Ефрем. Он говорил со странным придыханием и даже сипением, будто речь давалась ему с невиданной болью.

– Потерял.

Канонада, похоже, стихала, или это корабль противника решил отойти от города. А может, его продырявили славные солдаты Королевства, мечтавшие на глазах командиров и мирных сограждан утопить железное чудовище, плюющееся чугунными болванками с огненной начинкой. Но воздух в городе, похоже, не желал терпеть пустоту – со стороны улицы Восстания опять донеслись звуки выстрелов, на этот раз одиночных, и вслед за ними торжествующий вскрик.

В просвете между зданиями возник парень, который еще недавно прижимал Максима к подоконнику. Пуля настигла его перед самым поворотом в проулок, и злорадное выражение так и застыло на его физиономии. Лупа умер мгновенно – стрелок оказался удачлив. Гримаса на лице мародера, вполне подходящая живому, мертвецу не пристала и выглядела жутковато.

Ефрем оттолкнул Максима в сторону и оперся о стену, и тотчас вслед за этим в нескольких саженях от них появились патрульные. Один принялся обшаривать труп парня, лежащий с повернутой рукой, а второй сразу заметил ребят и направил на них магазинную винтовку с массивным деревянным прикладом – мечту всякого новобранца. Тут только Максим и опомнился, но бежать было уже поздно.

– Кто такие?

Подошел командир группы, шуплый капрал с неожиданно сильным голосом, хриплым от постоянного напряжения.

– Что, еще грабители? – заинтересовался он. – Эй, дай-ка сюда, – обратился он к солдату, грубо обыскивавшему жертву. – Осколки былых украшений перекочевали в его подставленную ладонь. – Это подлежит сдаче в Приказ, чтобы пострадавшие могли забрать свое имущество. Или правила не знаешь?

– Так точно! Знаю! – вытянулся патрульный, по всему видно, новобранец. Он буквально лучился гордостью, исподтишка поглядывая на попавшихся ребят – мол, не доросли еще до армии. Максим не спускал завистливых глаз с его винтовки, пусть совсем не новой, с треснувшим прикладом, зато настоящей, а не по-детски деревянной.

Второй солдат в это время держал на прицеле обоих пленников, как-то по особенному присматриваясь к Максиму.

– Где-то я уже видел эти штаны, – неуверенно проговорил он. – Господин капрал, не тот ли это пацан, что в нижней квартире шнырял, дверь открыл? Вон и рюкзачок похожий. Тот, правда, на Морскую выбежал... – Он подошел ближе и ткнул Максима стволом, заставляя повернуться спиной. Железо уперлось между лопаток, и Максим самым сердцем почувствовал, как сидящий в патроннике сгусток металла дрожит, словно мечтая вырваться на свободу и паразитировать доступную, покорную цель.

Стоит только дернуться к забору, так и произойдет.

– Я помогаю товарищу дойти до дома, – с силой проталкивая слова через пересохшее горло, сказал он. – Мы смотрели на войну в порту.

– А что с ним?

– Ногу подвернул, – прошептал Ефрем. Максим понял, что он отвечает механически, не веря в спасение. Кажется, ему уже давно было безразлично, погибнет он или нет, и только боль от раны еще заставляет его ощущать себя живым, а не подданным матери Смерти.

– А это что? – Капрал насмешливо кивнул на кровь. – Краска?

– Порез... Я сам его завязал. Он неглубокий и не мешает мне жить. Я смогу прокормить себя.

– А ну пройдишь...

Ефрем оторвался от стены и сделал шаг, изо всех сил пытаясь делать вид, что это ему ничего не стоит. Он отодвинулся от опоры, шагнул снова и вдруг застонал. Раненая нога подогнулась, он упал на колени и закрыл глаза.

– Ну вот, а говоришь... Нехорошо спорить с законом, малыш. Метрику! – Он вывернул карманы жертвы, но в них ничего не оказалось. – Где документы? – прошипел гвардеец и взглянул на Максима.

Того тотчас обыскали, но нашли только его собственный документ – сложенный вчетверо, с пожелтевшим дагерротипом. Капрал долго вертел бумагу в руках, раздраженно сопя, затем записал имя и фамилию в планшете и вернул метрику хозяину, пробормотав что-то вроде: “Далеко от дома ушел, паря...” Солдат в это время проверил каждую складку в одежде Ефрема, но безуспешно.

– Я ее потерял, – бормотал тот. Упираясь руками в колени, он едва сохранял равновесие и почти не открывал глаз. Его лицо было очень бледным и мокрым от пота.

– Имя! – Ефрем назвал, и капрал записал его карандашом сразу в том же планшете. – Давай, действуй. – Старший кивнул бойцу, не спускавшему ребят с мушки. – Все равно упустил одного вора. Так хоть этого несчастного от мучений освободишь.

– Именем Его Величества, исполняя волю предков и букву уложений, – начал солдат, заметно волнуясь и приставив ствол к груди Ефрема. Максим отвернулся. Все пути к бегству были перекрыты, к тому же он почему-то верил, что одной жертвы патрулю будет достаточно. – Избавляя от бесплодных страданий человека и родных его от обузы, дабы дать жизнь новым поколениям сограждан, вверенной мне как патрульному Закона властью... Покойся в мире и не ропщи на живых.

Парень на секунду запнулся – видно, в первый раз совершал ритуал Освобождения – но тут же выстрелил. Уши у Максима на мгновение заложило, резко запахло пороховой гарью.

– Четче, солдат, четче, – строго заметил капрал. – Почему в конце сбился? Плохо выучил формулу? Чтобы сегодня же повторил, завтра утром спрошу.

– Слушаюсь, сударь. Просто я волновался.

– Сам ты сударь... Эх, молодежь! Показывай сумку, – приказал командир, грозно приступая к Максиму. – Тебе везет, – через некоторое время протянул он и жестом приказал подчиненным двигаться. – Иди домой, парень, или на пристань. Там все еще жарко. Глядишь, и поможешь своему народу. Хотя уже поздно, я думаю, выстрелов давно не слышать... А тут нечего шляться. И кровь с рук отмой, – внезапно усмехнулся он и потрепал парня по плечу. Тот окаменел.

– Смерть, где же я видел эти штаны? – оглянувшись на Максима, протянул один из солдат, тот, что исполнил приговор.

– Давай-давай, двигай, – бросил капрал.

Вскоре они скрылись за поворотом, их уверенные шаги затихли вдали, и Максим внезапно почувствовал, что ноги плохо держат его. Выдохнув, он уселся прямо на камни. Под руку подвернулось что-то теплое и мягкое, и он зачем-то приподнял это с мостовой. Рука бывшего приятеля, замазанная кровью, упала обратно, звякнув осколком стекла. На ее тыльной стороне, выступая сквозь все наносное, проглядывал длинный, узкий бугорок шрама. Он тянулся от

запястья до мизинца, как знак прежней, детской жизни, и расплывался в странном тумане, натекашем на глаза Максима из его памяти.

-14

Сестрица Весна – любимая дочь Солнца – объявилась неожиданно, когда любая мамаша во дворе еще протяжно охала, сидя на скамеечке в окружении выводка детей, и предрекала затяжные снегопады. И, сообразно прогнозам астрологов или собственным, укутывала младшее дитя, свое или сестринское, в третий слой одеяльца. С юга внезапно повеяло теплым. Неведомо откуда в голой тундре и зарослях низкорослых деревцев возникло это чудесное завихрение воздуха, и какими неведомыми силами принесло его к берегу Северного моря, было неясно.

Тем временем май благополучно подходил к своему концу, а с ним и уроки в школе.

День таяния снегов по всем признакам собирался быть снежным и выюжным, но чудо все-таки случилось. Накануне первый ручей пробежал вдоль всего левого тротуара на Моховой, промывая пока еще робкую канавку, по которой в июне хлынет бурный, полный мусора поток весенних вод и поплывет флотилия маломерных детских “судов”-щепок. А ночью, конечно, ударил мороз, и с самого раннего утра ледяная горка превратилась в реку кричащих, кувыркаяющихся на льду малышей и ребят постарше. По середине дороги, натужно урча, карабкались вверх угловатые мобили, взметая в пасмурное небо клубы черного дыма. Прятаться в них было особенно забавно, вот только дышалось с трудом. Вниз же эти механические повозки съезжали намного быстрее.

Максим выскочил на Моховую вместе с Трофимом, Сонькой и Дуклидой. Торопясь присоединиться к веселью, они уже в дверях принялись толкаться, мешая друг другу зашнуровать ботинки. Недовольная ранним подъемом Дорофея, стоя в запахнутом мятом халате, пыталась повязать юркой Софии шарф и ворчала:

– Через час чтобы дома были, все ясно? Я блинов напеку.

– У-у! Опять блины! – заканючила Сонька.

– А ты что хочешь? – осадила ее сестра. Когда в прошлом году, упав с крыши дома во время расчистки кровли от снега, умерла мама, Дорофея по праву старшинства приняла на себя заботу о младших. И приходилось ее слушаться, а что было делать?

– Я пельменей хочу.

Дорофея ничего не ответила и сердито вытолкала детей за порог. Максим только мельком подумал, что София и так знает – между рамами нет ни кусочка мяса, так что могла бы и промолчать. Девчонка, что с нее возьмешь?

Они ссыпались с лестницы, чуть на растоптав соседку с первого этажа, которая выкатывала во двор коляску с молчаливым младенцем. Она только недавно родила и еще не совсем привыкла к своей новой, взрослой роли, а потому только вздохнула, проводив ребят завистливым и одновременно снисходительным взглядом. Правда, потом тут же склонилась к фанерной коробке на колесах и забормотала что-то невнятное, глупо улыбаясь.

А Моховая уже буквально кипела от “маленького народа”, как, впрочем, и все остальные улицы Ориена. Что-то еще днем будет, когда пройтись по последнему, серому снегу, притоптанному множеством подошв, выберутся горожане постарше!

– Пльиви, пельменница! – крикнул Максим и толкнул Соньку на ледяную полосу, уже и без того полную ребят. Взвизгнув, девочка упала на какого-то парня в рваном треухе, и они с уханьем покатались вниз, к подножию улицы, где возле крутой лестницы, ведущей к пристани, образовалась внушительная гора лежалого снега.

Особой доблестью было скатиться к ней так, чтобы проскользнуть между повозкой и лошадь, если повозка была конной, или перед самым носом у механического тарантаса. Шоферы и возницы оглушительно ругались, крутили рули или натягивали вожжи, рвали тормозные рукоятки или охаживали крупы лошадей, а то и назойливых детей кнутом. Уже через четверть часа Максим не только потерял сестер и брата из виду, но успел вымокнуть и донельзя устать, да и проголодаться. Солнце поднималось все выше, и лед постепенно таял, холодной влагой проникая сквозь варежки и полы потертого тулупа.

Мальчик уж совсем было собрался идти домой, как ему встретился Ефрем.

– Привет! – вскричали они разом, наминая друг другу бока.

– Давай в упряжке, – предложил Ефрем.

– Ну давай разок, да я пойду, а то блины остынут. Поздновато ты вышел.

Они втиснулись на ледяную горку и сдвоенным тараном ринулись вниз, толкая коленками встречных и отпихиваясь от тех, кто наседали сзади. Гвалт стоял порядочный, а тут и мобиль загудел клаксоном, вырulingая по Морской на перекресток. В ответ заржал какой-то пугливый конь, взметнулась снежная грязь, залепляя глаза, чей-то мокрый валенок ударил Максима в лоб, и он кувырком въехал в гору на краю лестницы. Что-то ужасно твердое напододало ему напоследок, и по спине явно прошлись стеклом.

– Ты чего дерешься? – завопил Максим, поправляя на ползшую на глаза шапку.

– А вот еще не так дам! – зло крикнул шофер мобилы и тронулся дальше. Когда корма повозки отъехала, мальчик увидел на льду Ефрема, который лежал подозрительно неподвижно. Тут же в него ударились целая толпа детей. Максим кинулся к товарищу, зацепил его за рукав и потянул на себя.

– Уф, – пробормотал Ефрем, отплевываясь. – Как я ловко под ним проскочил.

– Чемпион, – буркнул Максим. – Целый хоть?

Он бросил взгляд на правый край лестницы, где молча стояло несколько гвардейцев, один с винтовкой и остальные с пиками. Они улыбались, но в то же время зорко следили за ребятней. Одному из мальчишек уже не повезло. Судя по всему, он угодил под лошадь и сломал ногу – та подвернулась и торчала под странным углом – а потому был тут же милосердно освобожден от страданий. Его тело лежало у парапета, немного в стороне от солдат, и ждало сожжения.

Командир гвардейцев не отводил пристального взгляда от мальчишек, поглаживая винтовку.

– Пойдем-ка отсюда, – прошептал Максим. Ребята быстрым и уверенным шагом поднялись к своему дому, и по дороге Ефрем зализывал длинную, но неглубокую рану, которая протянулась через всю обратную сторону его кисти.

А на другой день, двадцать второго мая, погибла Сонька. Максим никогда не забывал эту дату, потому что в самом нижнем ящике шкафа, куда он порой заглядывал, хранилась ее метрика. Она лежала в той же картонной коробке, что и тонкая пачка пожелтевших дагерротипов – их-то, собственно, Максим и рассматривал время от времени. На одном из них были запечатлены София, мама и сам Максим, когда ему только исполнилось шесть лет. Спустя всего лишь полгода ему уже нужно было идти в школу. У всех получились самые разные выражения лиц – видимо, особое настроение так стойко владело всеми тремя, что фотографу не составило труда ухватить его. Мама, сидевшая посредине, на высоком стуле с ажурной спинкой и в длинном зеленом платье – на снимке оно вышло серым – хранила на красивом лице спокойную, ясную улыбку, слегка приправленную тревогой: а вдруг дети не выдержат неподвижности и дрогнут, смазав кадр. Хитрая, носатая физиономия Соньки светилась довольством и отчасти злорадством – она никак не могла допустить, чтобы Максим пошел к фотографу вдвоем с мамой, а ее оставили дома, без посещения таинственной полутемной лаборатории, где уса-тый дядя в черном долго таится за камерой, чтобы наконец выпустить из объектива яркую как Солнце птичку. Максим же, напротив, был раздосадован присутствием сестры и особенно

крепко стискивал локоть матери, улыбаясь несколько через силу. В тот момент ему казалось, что день рождения безнадежно испорчен. Но по выходе от фотографа, на бурлящую от толпы Дворцовую, где их поджидал новый приятель мамы с бутылкой сахарной воды, праздничное настроение вернулось к Максиму после первого же глотка. А этот веселый и щедрый человек к тому же сказал: “Славные у тебя детишки, Мавра”, и стало совсем хорошо.

Мама сорвалась с крыши спустя год, в конце апреля.

В тот майский день Сонька примчалась из школы, бросила котомку и тут же убежала на улицу, не слушая призывов старшей сестры. Через два часа явился хмурый посыльный из муниципалитета и молча вручил Дорофее метрику с большим черным штампом “Мертв”. Рядом канцелярским почерком, чернилами была написана дата смерти Софии. А вечером пришел Ефрем и рассказал, что он случайно оказался рядом с местом действия и видел, как бестолковая девчонка съехала вниз, ударилась головой без шапки о парапет лестницы и повредила шею. Встать она не смогла, и гвардейцы в минуту освободили ее от мучений.

– Жалко, что я не успел первым, а то бы метрику-то вытащил, – укорил себя Ефрем. – Эх, пропало дармовое топливо!

– Матушка Смерть с ней, – вздохнула тогда Дорофея. – Она была хорошей девочкой, хоть и своевольной.

-9

Надо было уходить. Скоро вернутся жители ближайших домов, увидят трупы и станут судачить о воровстве, что зацвело в Ориене с началом военной кампании, словно тундра ранним летом. Потом по улицам проедут похоронные отряды, добрые жители покажут им свежих покойников, и служители матери Смерти свезут их к печам. А то и прямо тут же сожгут, если передвижной огонь, разводимый в чугунной бочке, с собой доставят. Кто знает, что взбредет всем этим людям в головы, если они увидят понурого, сидящего на мостовой гражданина.

– Извини, брат, – сказал Максим. – Я ведь не знал, что так получится. А то бы не стал тебя с пристани утаскивать. Это я виноват.

Он поднялся и бросил последний взгляд на спокойное, даже умиротворенное лицо друга, затем все же нагнулся и подобрал его пику. Носить оружие – потребность живых, мертвым оно ни к чему. “Но где же все-таки его метрика? – подумал он. – Не мог же он и в самом деле потерять ее!” Максим обвел взглядом узкое пространство тупика, однако ничего, кроме нескольких обломков кирпичей и кучи битого стекла с распластанным на ней Ефремом, не заметил. К стене на покореженных скобах крепилась старая водосточная труба, и он нагнулся, заглядывая в ее жерло. Внутри, втиснутый в щель между листами жести, белел кусок плотной бумаги, и Максим осторожно, прислушиваясь к далеким шумам, извлек его. “Ефрем Рафаилов, рожденный 14 числа 7 месяца 515 года Династии Кукшиных от Препедигны Рафаиловой... Зарегистрирован в Книге населения г. Ориена по адресу: ул. Моховая, 3в, квартира 8...” Уголок дагерротипа, обновленного только месяц назад, в июле, уже успел обтрепаться. На снимке Ефрем едва заметно улыбался – ему почему-то нравилось, как вспыхивает магний. Максим сложил метрику и затолкал ее под штанину, так чтобы она не торчала из носка.

Выйдя из проулка, он встал на колени и быстро, то и дело оглядываясь, обыскал Лупу. Ему повезло – одна из сережек провалилась в дырку в его кармане и зацепилась дужкой, не успев выпасть. И патрульный второпях пропустил ее. Желтый, многогранный камешек тускло блеснул в обрамлении белого, с черными разводами металла.

Сунув находку в кармашек, вшитый в полу куртки, Максим зашагал вверх по улице Восстания. На первом же перекрестке он свернул направо, на Моховую улицу – его дом стоял в полусотне саженей ближе к морю. Здесь уже ему стал попадаться народ – люди возвращались

с полей сражения, оживленные и какие-то закопченные. Многие женщины и ребята все еще потрясали разными самодельными штучками, показывая друг другу, как они поражали врагов. Между них сновали дети помладше, те, которых не пустили на пирс, зато позволили вволю покидаться камнями. Скорее всего, от брусчатки вдоль всей набережной ничего не осталось, и половина камней вообще валяется на дне возле берега.

– Эй, Макси, ты чего не с той стороны идешь? – окликнула его очень грязная девушка одного с ним возраста – они столкнулись нос к носу при входе под свод арки, которая вела во двор их дома.

– А я другой дорогой, – пробормотал он. – Заглянул к приятелю по делу. Ты на каком фланге была, Ева? Я тебя не видел.

Ее зеленое, в мелкий грязно-белый цветочек маркизетовое платьице с оборочкой было порвано, и сквозь этот разрыв проглядывала круглая, с черным мазком коленка. Она заметила его взгляд и усмехнулась, но одергивать подол не стала. Только еще выше задрала и без того вздернутый носик, испачканный копотью. Подпаленная на кончике соломенная коса, подброшенная гибкой рукой, легла ей на плечо словно ручной уж. Помнится, в школе Максим нередко схватывался с Еванфией, и все по одному и тому же поводу. Девочка она была очень сообразительная, науки осваивала легко, не то что Максим, которому приходилось подолгу морщить лоб и пыхтеть, прежде чем ответить учителям. И в эти мучительные минуты его раздумий Еванфия, тряся поднятой рукой, нередко фыркала и шипела обидные слова “пенек” или “валенок”. Правда, только в самом начале их совместной “жизни” за одной партой. Зато во время перерывов между уроками она держала насмешки при себе, да и повода к ним не было, иначе ей наверняка пришлось бы туго. За такую роскошную косу, как у нее, очень удобно дергать.

– Какие фланги, чудак? – прыснула она, смешно кривя пухлые губы. – Напротив складов и была высадка. Пойдем, что ли, а то проход загораживаем. Ты что, ранен? – нахмурилась она, обратив наконец внимание на бурые потеки, что украшали ладони Максима.

– Я? Так, царапина, – ответил он, шагая рядом с ней в полумраке арки. – А вот Ефрем погиб. Осколок...

– Жалко... – Она заметно огорчилась, однако быстро вернула себе бодрый дух. В Еванфии было так много энергии и какого-то светлого начала, что долго кручиниться она не умела. А может быть, ей было радостно оттого, что с Максимом ничего плохого не произошло и повелительница Смерть на этот раз пощадила его. – Слушая, классная у тебя пика. Это кровь на ней, правда? – Она потрогала кусок заточенной арматуры и уважительно покосилась на товарища. – А мне пришлось какими-то камнями из мостовой кидаться. Да и то меня пацаны отогнали, не дали как следует... – Еванфия делилась впечатлениями с явной обидой в голосе. – Не очень-то и надо было! Я возле лестницы была, на парапете, а ты где? Вражеский десант видела! А ты? Я думала, они страшные будут, а вроде ничего парни, некоторые даже симпатичные, только мокрые все как котята.

– Разве? – хмуро пробормотал Максим. – Мне никто не понравился. Правильно про них на рынке говорят. Жестокие и грязные захватчики. К тому же мокрые.

Еванфия искоса взглянула на него, однако промолчала, чему-то улыбнувшись. Во дворе было непривычно тихо, только Мария, как всегда с невозможно прямой спиной и в длинном черном платье, сидела на лавочке рядом с развешанным бельем и мрачно созерцала песочницу с оторванной доской. Это была самая старая женщина в целом дворе, ей недавно стукнуло двадцать семь, и теперь у нее уже не осталось былых радостей – ровесников почти нет, а молодежь не захочет якшаться с такой древней подругой. Ее последний приятель попался на рынке полтора года назад, во время кражи жалкого мерзлого яблока, и был убит торговцем прямо на месте преступления, а детей у Марии не осталось. Все четверо погибли один нелепей другого, и последний – месяц назад, когда заплыл слишком далеко в море и утонул. Сейчас во дворе именно Мария, как самая старшая, принимала все роды.

Молодые мамы с разномастными колясками, обычно наполняющие двор и его окрестности, как видно, укатили со своими чадами поближе к берегу, чтобы не пропустить самое интересное.

Заметив двоих ребят, Мария оживилась и крикнула Максиму:

– Тебя сестра искала, хотела на пристань позвать!

– Я там и был, – отозвался он, кивнул Еванфии и поспешил проскользнуть мимо старухи в дверь своего парадного. Нашла когда сообщить новость! Ну да ладно, Марии простительно – поговорить ей не с кем, потому что девчонкам с ней скучно.

Квартира Максима находилась на третьем, предпоследнем этаже. Оно и к лучшему, не так заливает во время осенней непогоды и почти не беспокоят толпы гуляющих людей, которые возвращаются с частых праздников в гавани. Ведь от Моховой до порта – всего квартал. Правда, “дорога” – точнее, довольно крутая лестница – тянется между складов Колониального общества, стены у них глухие и кабачков там совсем нет. То ли дело Дворцовая, уж там-то есть где развернуться веселому люду.

Максим тщательно смыл кровь с одежды и рук, не забыл и про кусок арматуры. Обтерев его полотенцем, он затолкал “оружие” в кладовку. В печном шкафу отыскалась корзина с остатками сухих кукурузных лепешек, а за ней кувшин с размазанной по стенкам простокваши. Максим вздохнул и принялся отскабливать лепешкой стенки кувшина. Тут на лестнице застучали шаги, с улицы также донеслись громкие голоса, явно довольные – народ дружно повалил с войны.

– Ага, – нахмурилась Дуклида, статным силуэтом возникая в дверном проеме. Сильной рукой она сжимала обломок какой-то палки с растрепанным красно-бурым концом. – Питаешься, значит. Где ты был, позволь спросить, когда весь город сражался с дольменцами? – Не дожидаясь ответа, она сбросила с плеча котомку, брякнувшую тяжестью, и ушла в ванную. – И воду всю вылил?

Максим отправился следом за ней. Раздосадованная сестра стояла посреди чугунной лохани и размахивала пустым ковшом, указывая им на мятый чан, подвешенный к стене. В другой руке у нее была пропыленная майка, которую она успела стянуть с себя и небрежно прижимала к груди. На краю лохани лежал ее любимый кухонный нож, вымазанный вражеской кровью. Максиму показалось, что ее живот уже не такой плоский, как раньше – похоже, возраст и однообразная пища дают себя знать.

– Не кипятись, – хмыкнул он. – Ну, вылил, что с того? Мне тоже надо было отмыться. Чего скрываешься? Титьки у тебя что надо.

Дуклида внезапно прекратила возмущенно шипеть и заметно смутилась, однако красоваться перед братом, конечно, не спешила. И он ее понимал, снисходительно скалясь и выливая в чан воду из последнего ведра – ей уже пятнадцать, самое время задуматься о ребенке.

– Хватит уже пялиться!... – вдруг воскликнула она и схватила полотенце, замахнулась им и стукнула брата по макушке. Максим лишь рассмеялся и потянул за край ее майку, в результате заработав чувствительный тычок в ребра. – Иди-ка сумку распакуй, да за водой сходи. – Дуклида подтолкнула Максима к выходу. – Я сегодня бляху срезала.

– Ух ты! – вскинулся Максим. Он бы не отказался послушать ее боевой рассказ, но лучше отложить беседу до вечернего чая.

Он подхватил оба ведра и выбежал из ванны. Бросив жестянки у входа, Максим поволок котомку сестры в кухню, цепляя ремешком за неровности дощатого пола, давно не крашеного и потрескавшегося. Внутри лежали две буханки довольно свежего хлеба, правда слишком черного, с какими-то мелкими, запеченными в тесте щепками, два кружка слегка позеленевшего сыра, шесть картофелин, две луковки и разные мелочи – бруски шершавого, крошащегося мыла, пара обернутых газетой леденцов... Максим вспомнил, как они с Софией, самые младшие в семье, постоянно ругались из-за конфет и старались отнять их друг у друга.

– А где спички? – крикнул он, запихивая за пазуху конфеты.

– Марш за водой, балбес! Я их в... Не твое дело! Спрятала, короче. Да попробуй дров принести!

Двор к этому времени уже наполнился обитателями соседних домов, их радостным гомоном и криками. С пристани вернулись многие – видимо, обстрел из вражеских корабельных мортир был не слишком точен, а десант с крейсера немногочислен, иначе потери были бы куда существеннее. А вообще-то много ли народу можно втиснуть в крейсер? Вот если бы они по суше напали на Ориен, тогда другое дело, полегли бы многие горожане. Да только от границы с Дольменом до Ориена не меньше пятисот миль, к тому же по дороге лежит столица Селавика, которую обороняют лучшие воины Королевства. Победить их каким-то жалким дольменцам вряд ли удастся.

Девчонки всюду заигрывали с бравыми парнями, но не торопились уединиться с ними в квартирах. Того и гляди командование Королевской гвардии отпустит солдат, капралов и офицеров в краткосрочный отпуск, отпраздновать разгром десанта. Многие ополченцы теперь наверняка воспрянули духом и рассчитывают остаться в ориенском гарнизоне, где их натаскивали по части воинской службы весь последний месяц. Нечаянный десант с вражеского крейсера – приличный повод для того, чтобы держать в Ориене батальон солдат.

Белье с веревок успели снять, и стала видна древняя колонка, у которой уже толпился народ. Вокруг сновала малышня от года до десяти – ребята, которые следили за битвой изда-лека и сейчас жадно внимали бахвальству взрослых товарищей. Даже младенцы в колясках, и те высунули головки наружу, будто что-то понимали.

– Вышел-таки! – обрадовалась Еванфия, когда Максим пристроился за ней. Она успела переодеться, сменить рваное платье на новое, более нарядное, а на голову нахлобучила панаму с широкими полями. На ножках ее красовались белые туфли с модным квадратным носком.

– Эй, Макси, ты где пропадал? – стали окликать его приятели.

– Я на дальнем фланге бился, – сообщил он. – Возле Дворцовой.

– Там же вроде не было высадки, – удивился настырный Пров.

– Если Макс говорит, значит, была, – вступилась за него Еванфия. Она на минутку прижалась к нему горячим плечом. – Я сама видела, как он весь в крови возвращался.

– А где, кстати, Ефрем? – озабочилась Фекла. Она считалась его подругой, и Максим не раз слышал, как она предлагала Ефрему жить вместе. – Ты разве не с ним уходил?

– Он погиб, – хмуро сказал Максим.

– Жаль, – помрачнела девушка.

Все на какое-то время огорчились, а затем вновь стали с увлечением, перебивая друг друга, рассказывать о собственном участии в битве, перечислять имена знакомых и незнакомых героев, также сложивших головы за Короля и отечество. Только Фекла вдруг всхлипнула и убежала из очереди, стуча ведром по коленкам. Никто особенно не удивился и не бросился утешать ее – в самом деле, такое случается с каждым, рано или поздно. Хорошо еще, что Фекла не успела забеременеть.

– Ну, теперь на неделю только и разговоров будет, что о сражении, – с неожиданным раздражением выступила Еванфия. – Тоже мне, гвардейцы без копейца.

– Сама ты без копейца, – обиделся Пров. – У меня почти настоящая пика, с зеленым бантом! – И ушел, подволакивая свое огромное ведро и расплескивая рваные язычки ледяной воды.

– Ой-ой-ой! – закричала Еванфия задиристо. – У сестры бантик-то отнял! Пика у него. Смотри, как бы в казарму не переехать! – Но Пров только отмахнулся, не желая вступать в перепалку. Наверное, его с нетерпением ждали домашние.

Еванфия пристроила ведро на крючок, а Максим приналег на ручку. Вода потекла хилой струйкой, однако уверенно. Поди не кончится, иначе это будет жутким невезением, уже Смерть знает каким за день. А тот еще только перевалил за середину.

– А я бы хотел жить в казарме, – сказал он. – Так кормят хорошо, к тому же дают настоящее оружие и учат им владеть. Представляешь, гвардейцы скоро пойдут на границу с Дольменом! Целых пятьсот миль. Я бы не отказался по стране поездить, к тому же повоевать.

Еванфия, похоже, разозлилась от таких признаний товарища, потому что стиснула кулаки и открыла рот, чтобы накинуться на него с какими-то обвинениями. Но внезапно осеклась и отвернулась, уставившись на подрагивающую поверхность воды в своем ведре. Вообще она сегодня была какая-то нервная, бросалась на друзей со странными речами. Неужели ей не нравится, что славная королевская рать дала отпор захватчикам? “Проклятые дольменцы”, – разобрал Максим ее тихие слова.

– Точно, – поддакнул он. Тут же ему показалось, будто Еванфия буркнула себе под нос “дурак набитый”, точно как в школе, но он предпочел сделать вид, что ничего не слышал. – Чем скорее мы их разгромим, тем лучше... Жалко только, что я в этом совсем мало поучаствую. Ты не знаешь, где можно всяких ценных безделушек прикупить?

– Полно же магазинов! Я целых три знаю. Тебе зачем? – подозрительно поинтересовалась она. Такой неожиданный поворот в разговоре явно озадачил подругу.

– Ну... Может, я подарок хочу сделать? Тебе-то что за дело? Я бы не спрашивал, просто давно нигде не был толком. Может, их все позакрывали...

– На Дворцовой есть, но там дорого. Потом на Проезжей, рядом с заставой, и еще один далеко, за верфью. Даже не помню, как там улица-то называется. Один только раз и была, еще до войны.

Тут со стороны арки послышались возбужденный гам и топот – как будто множество ног разом кинулось на Моховую. Еванфия ахнула, прижав ладошки к щекам, и хотела схватить ведро, чтобы тоже бежать, но Максим подтолкнул ее, коснувшись талии:

– Давай уж так, я присмотрю.

Еванфия вдруг мимолетно, как бы случайно коснулась губами его щеки и бросилась вслед за всеми, ловко лавируя между мамашами, которые подхватили орущих детишек и образовали настоящую давку, торопясь вырваться за пределы двора. На ходу они извлекали мятые метрики, высоко поднимая их над головами.

– Спокойствие! – гулко закричали с улицы. Загрохотали массивные деревянные колеса, обитые хилой каучуковой полосой, протарахтел чадный двигатель, и в проеме арки остановился зеленый тарантас с треснувшим снизу доверху кузовом, наполовину забитым торфом и дровами. В небо взлетели клубы черного дыма, мобиль чихнул и замолк, прощально дрогнув металлическими суставами.

Из кабины выпрыгнуло трое гвардейцев, они моментально оттеснили толпу прикладами винтовок, а самый нервный пальнул для остратки в воздух. Образовалось подобие очереди, в которой визжали и брыкались детишки. Каждый норовил первым всучить свою метрику толстому королевскому интенданту в зеленой кепке. Утвердившись у кузова, тот пером отмечал в свитке гражданина или гражданку, а затем выдавал три полена. Претензии к качеству не принимались, к тому же за пустые пререкания с королевскими служащими патрульные имеют право застрелить болтуна.

Когда Максим смог поучаствовать в дележе топлива, вокруг мобилы оставалось всего несколько самых маленьких ребят. Они толкались и никак не могли решить, кто будет первым. Максим протиснулся между ними и протянул интенданту две метрики – свою и Ефремову.

– А где сам хозяин бумаги? – строго спросил интендант. Ближайший гвардеец оскалился и нацелил “магазинку” в грудь Максиму – хоть какое-то развлечение, если прикажут освободить преступника.

– У него живот заболел...

Толстяк сделал в ведомости какие-то пометки и молча выдал двойную порцию торфа. Максим поспешил скрыться под аркой, провожаемый заинтересованными взглядами оставшихся у драндулета детей. Он свалил добычу в углу кухни и крикнул Дуклиде, которая все еще плескалась в лохани:

– А там топливо дают!

Но сестра, похоже, не расслышала его и продолжала что-то вполголоса напевать. Максим спрятал Ефремову метрику за шкафом, распоров пальцами густую вязь из паутины, и достал из кармана серьгу. При внимательном осмотре ему показалось, что камень, вправленный в нее, может оказаться очень ценным. Никаких царапин или выбоин на нем видно не было, ну да разве без увеличительного стекла разглядишь? Нужно идти к ювелиру, и чем скорее, тем лучше. Правда, документа на украшение нет, и ушлый ювелир может заявить, что это дешевая подделка...

– Ну, обедать будем, что ли? – добродушно поинтересовалась Дуклида. Она вошла в кухню свежей и мокрой, словно сказочная морская дева – каштановые волосы, повинуясь деревянной расческе, послушно легли на плечи, цветастый халат с дыркой на боку подвязан пояском. – Разобрал котомку? Возле складов раздача была, все равно много товара поврежденного. На одну бляху столько надавали, представляешь?

Последнее жалованье, которое ей выдали в Приказе, оказалось урезанным на треть. И теперь любые продукты, которые удавалось добыть благодаря участию в разных военных работах – сборе пожертвований, штопке обмундирования и прочих, – вызывали чуть ли не животную радость. Да и Максиму обещали накинуть талеров в связи с новым военным заказом Правительства.

– Макси, братец. – Дуклида присела на табурет и принялась потирать пальцы. Лицо у нее стало каким-то жалким, словно обиженным. – Ты Гермогена не встречал? – Максим окаменел, и она заторопилась: – Только не надо начинать снова, прошу тебя. Просто скажи, видел ты его сегодня после битвы или нет?

– Ну, видел, – нехотя сказал он. “Он меня убить хотел!” – вертелось у него на языке, но он промолчал, а Дуклида, к счастью, не стала выпытывать у него подробностей. Глаза ее прояснились, и она стала выкладывать на стол припасы.

Максим пожевал корку хлеба с луковкой, макая ее в соль, бросил: “Я погулять!” и отправился в путь. Можно было, конечно, потерпеть и до завтра, но тогда не избежать трепа с друзьями и побасенок об их славных подвигах на пристани. Пришлось бы и самому сочинять что-то подобное, поэтому он предпочел покинуть двор, а заодно посмотреть на место высадки вражеского десанта и поднабраться достоверных сведений о сражении.

– Максим! – окликнула его Еванфия. Она раскачивала на качелях свою младшую сестренку, скучала и явно искала повод, чтобы смыться от нее. – Ты куда?

– Мне по делу.

– Можно я с тобой пойду?

Он на секунду замер. Конечно, с ней интересно, не то что с другими девчонками, и она участвовала в битве... Но тогда Максим может нечаянно выдать ей, что на самом деле ходил грабить покинутый дом. И он отрицательно помотал головой, крикнув что-то вроде: “Я скоро вернусь!” Еванфия, конечно, надулась, но он уже не видел этого, спеша выскочить на улицу, пока к нему еще кто-нибудь не привязался. Объясняя потом, почему не хочешь никого в попутчики.

Свернув налево, он зашагал под уклон в сторону залива, пытаясь рассмотреть через крышу склада Королевской Колониальной компании – коротко называвшейся как Три “К”, – что происходит в порту и его окрестностях. Но над водой стлался вязкий серый дым, и ничего не было видно. Чем ближе он подходил к морю, тем явственнее чувствовался запах гари. Оче-

видно, там что-то продолжало тлеть. По дороге ему то и дело попадались озабоченные всадники в форме королевских цветов и просто гуляющие люди, и большинство азартно вспоминало эпизоды схватки в порту. Вскоре мостовая резко пошла под уклон – в этом месте Моховая переходила в лестницу. Перепрыгивая через выщербленные, древние ступени, Максим быстро достиг берега и вывернул из-за угла склада.

И тут же понял, что пройти дальше будет непросто. Набережная во многих местах была сильно разрушена, а выступающие в залив деревянные пирсы по большей части в виде мусора усеивали поверхность воды. Среди них плавали и крупные обломки двух-трех парусных судов, что пали от снарядов крейсера в первую очередь. Наверное, это были суда с селавикскими флагами, поскольку прочие – пять или шесть торговых кораблей из Авака, обшитых медными листами – благополучно пережили битву и мирно покачивались у западных причалов. На них, кажется, даже возобновили погрузку товара.

Несколько молчаливых, сосредоточенных похоронных отрядов, поделив между собой территорию, собирали разбросанные повсюду трупы дольменцев и подданных Селавика. И тех и других было примерно поровну, причем среди соотечественников попадались не только гвардейцы, но и дети, и женщины. Матушка Смерть всех застигла с каким-нибудь, пусть самым простым оружием в руках... Помогая себе баграми, некоторые из служителей Смерти вылавливали утопленников из вод залива и буксировали их к берегу с помощью весельных лодок. Эти мертвые были сплошь дольменцами.

– Ты опоздал, малыш! – сообщил Максиму прыщавый гвардеец. Он устало опирался о свою “магазинку”, с которой успел снять штык. Снять-то успел, да вот отмыть от крови так и не собрался, и тот висел у него за поясом, словно офицерский бебут. Позади солдата в стене склада зияла рваная дыра: похоже, парень был поставлен тут для охраны от грабителей этого пути к сокровищам. – Бой закончился нашей победой.

– Само собой, нашей, – поддакнул Максим и подошел ближе к воину. Раз тот так словоохотлив, грех будет не выкачать из него всякие полезные сведения.

В это время к грузовому мобилю с большой железной печью, стоящему на самом краю пирса, подвезли на телеге очередные трупы. Их быстро обшарили, собрали метрики в пухлую папку, сняли оружие и целые, не заляпанные кровью вещи. Высокий, сутулый человек в черном плаще стал описывать трофеи в журнале, по ходу дела забрасывая их в кузов второго мобиля, поменьше. И как только они сумели сюда проехать? Подручные переписчика принялись забрасывать мертвецов в жерло печи, одновременно подкидывая в топку уголь. Из трубы вырвался новый столб дыма и гари.

Максим закашлялся и закрыл глаза. К счастью, ветер с востока быстро отнес дым в сторону, и небо вновь прояснилось.

– Тьфу ты, напасть, – пробурчал гвардеец. – Что мне подруга скажет, когда я домой вернусь? Уже весь трупным дымом провонял.

– А что, разве армию распускают?

– Сегодня вечером можно, – кивнул парень. – Такая победа! Правда, и наших погибло не меньше, зато у дольменцев крейсер утопили.

– А где же наши пушки? – удивился Максим. – Я вроде видел несколько.

– Подбиты, – нахмурился солдат. – Да и ладно, все равно они были никуда не годными! 9-дюймовые мортиры, можешь себе представить? И какой недоумок придумал оборонять ими залив? Дальность боя всего миля, пороха жрут Смерть знает сколько, да еще снаряды взрываются прямо в жерлах! Пироксилиновые, может, слышал? – щегольнул он сложным словом. – Недавно придумали. Да только дрянные они.

– Зачем же ими стреляли, коли они такие никчемные?

– А чем еще стрелять? Не чугунными же чушками, как раньше. Все-таки не совсем они плохие оказались, раз крейсер сумели пробить. Ладно, догадались пороху поменьше засыпать,

до врага всего-то саженой сто уже было. Снаряд на них прямо сверху, навесом упал, и тут как полыхнет! Я сам видел, какой там был взрыв! А потом с корабля все подряд посыпались, матросы и командиры. Спасти задумали! Это и был десант, я так думаю. Да ты где гулял, малыш? Ты что, все пропустил? Небось дома сидел, жир с печенкой ел! – осклабился он, мрачнее и окидывая юного собеседника прищуренными, жесткими глазами.

Того и гляди решит, что Максим заговаривает ему зубы, мечтая проскользнуть в дыру и пожить добром Трех “К”.

– Ну вот еще! – поспешно проговорил тот, с таким неподдельным возмущением в голосе, что воин расслабился и вновь опустил дуло винтовки на мостовую. – Просто один гад меня в это время стукнул, тут дым поднялся, я и пропустил... А где мортиры-то?

Он огляделся и только тут заметил обломки лафетов и раскатившиеся стволы пушек. Станки, рамы и полозья валялись в беспорядке, разбитые компрессоры топорщились медными заусеницами, бестолковые катки лезли под ноги похоронщиков – да, от береговой артиллерии осталось только воспоминание. Зато и крейсер был утоплен, торча из-под воды надпалубными постройками и прокопченной трубой.

– Разглядел? – усмехнулся солдат. – Да, жарко тут было...

– Точно, – поддакнул Максим, махнул рукой и отправился вдоль берега, старательно обходя провалы в набережной и стараясь не попадаться на пути конных повозок, перевозящих убитых.

От стен складов Колониальной компании почти ничего не осталось, уцелело только здание, у которого тосковал одинокий гвардеец. Прочие же требовали куда более тщательного охранения – через обрушенные стены можно было видеть тюки с заморскими товарами, поваленные стеллажи, груды битых кирпичей и обломанных перекрытий...

– Стой! – окликнули Максима у одного из проломов. Тут скопилось человек пять гвардейцев – они расселись на балке и сучливо смолили папиросы. – Документы!

Он показал метрику.

– Не бродил бы ты здесь, парнишка, – произнес капрал, пахнув дымом. – Того и гляди мостовая в море съедет...

– Я свою пику потерял, – жалостливо сказал Максим.

– А... Дело святое.

Через десяток саженой он наткнулся на целую гору погибших, как врагов, так и соотечественников. Но задерживаться здесь он не стал, чтобы его не заподозрили в мародерских наклонностях. Видимо, тут расстреливали обезоруженных дольменцев и раненых селавикцев – кто еще мог передвигаться, тех согнали в одно место, чтобы облегчить сбор трупов похоронным бригадам.

Наконец место сражения осталось позади, гарь от сжигаемой плоти рассеялась, и Максим вышел на неповрежденный участок набережной. Справа от него остались высокие ограждения верфи, где во вместительном доке плотники и жестянщики суетились вокруг поврежденного снарядом парусно-винтового броненосца “Викентий Великий”. Поглазев на возню мастеров, Максим двинулся дальше и вскоре свернул на искомую улицу. Она называлась Рыбацкой, и неудивительно – восточнее начиналось царство одноэтажных халуп, в которых обитали семьи промысловиков. Другая же сторона улицы была обычной, вполне “городской”. Людей тут гуляло совсем мало – какой смысл торчать среди этакой серости, когда можно пройтись по Дворцовой?

Блеклую вывеску “Ювелирные изделия” Максим заметил издалека. Дверь из мутно-зеленого стекла отворилась, звякнув колокольчиком, и из подсобки выскочил пацан в шортах, всего-то лет тринадцати. Он поспешно отер с губ что-то белое – не иначе сладкий крем лопал – и напустил на себя деловой вид, опершись руками о прилавок.

– Ну-с, – проговорил он тонким, предательски ломающимся голосом. – Чего угодно, сударь?

– Старшего брата не хочешь позвать? – поинтересовался Максим. Запустив руки в карманы, он равнодушно озирает скудную витрину.

– Я за него теперь, – пояснил парень. – Убили его нынче. Вонючие дольменцы! При нем три бляхи нашли, представляешь? Не у всякого ополченца так здорово получилось.

– Да, герой, – оживился Максим. – Ты, значит, теперь хозяин магазина?

– А то кто же? Пародом меня кличут, – гордо сказал тот. – Правда, торговля в наше время не такая хорошая, как прежде. Кому теперь все это нужно? Да и товар из Дольмена перестали подвозить еще в прошлом месяце. Остатками и торгуем. А ты что-то выбрать пришел или так?

Максим развернул тряпочку и выложил на витрину серьгу с желтым камнем. Парод пожал плечами и двумя пальцами поднял трофей, разглядывая его без всякого энтузиазма. По всей видимости, тот не имел особой ценности, и Максим почувствовал себя довольно глупо – пришел с какой-то никчемной безделушкой и пытается впарить ее серьезному ювелиру.

– Ну как? – спросил он равнодушно. – Это что-нибудь стоит?

– По виду не скажешь... Экспертиза нужна. – Парнишка вынул из-под прилавка мелко-скоп и водрузил его на столике у витрины. – Ну-с, что тут за камешек?... – Парод повозился с настройками, таращась одним глазом в окуляр, попытался, похмыкал и наконец повернулся к посетителю. – Так себе вещица. Некомплект.

– Я и сам знаю, что комплект! Зато камень ценный, и серебро.

– Да так себе камень-то... Ладно, оставь за десять ефимков.

– Дай сюда! – разозлился Максим и выхватил у Парода сломанную серьгу. – Где ты видел такие цены? – Он ткнул пальцем в образцы под стеклом. – Вон, самая занюханная брошка стоит почти пять талеров! И бриллиант в ней наверняка поддельный. А у меня топаз! Видишь, какой желтый?

– С чего ты взял?... Ты можешь отличить его от цитрина? – Максим ненадолго смешался, однако уверенное выражение с его физиономии совсем не исчезло. – Ну хорошо, топаз так топаз! И что с того?

А Парод-то попался. Сразу видно, неопытный он еще ювелир, сразу признался, что камень в украшении ценный.

Спустя десять минут слегка охрипший Максим вышел из магазина со ста двадцатью пятью ефимками. Два с половиной талера! Только серебряными монетами он брать не стал. Ни к чему ими размахивать, неровен час пристанет какой-нибудь дотошный гвардеец из Мытарского Приказа. Сойдут и медные ефимки, пусть карманы оттягивают. Таких денег хватит на пару фунтов яблок, а то еще и на леденцы останется. Тут он вспомнил о записке и бросил конфету в рот. Гуляем! Максим пожалел, что отказал Еванфии – сейчас бы девчонка была как нельзя более кстати. Все бы увидели, что он уже почти взрослый и может сводить подружку в самую лучшую таверну. И обстановка в Ориене была подходящая – как-никак праздник, отбито вероломное нападение коварных дольменцев.

Теперь-то они надолго забудут морскую дорогу в Селавик! А когда корабельных дел мастера починят броненосец, тогда им вообще несладко придется. С Королем Викентием XIX и шутить-то не стоит, а они войну объявить вздумали.

В первый раз он встретился с Еванфией в конце августа, когда по ночам и ранним утром в воздухе уже пахло близкими холодами и ледяной ветер с залива пробирал до самых костей. Выйдя однажды поутру во двор, Максим был сражен – на качелях сидела очень бледная, едва

не снеговой белизны девочка. Волосы ее были очень темными, почти черными, и не висели как придется, а свивались косой, толстой словно собачий хвост. Бантик скромных размеров шевелился от ветра, будто снежная бабочка.

Она общалась с ребятами, которые обступили ее со всех сторон и слушали буквально разинув рты.

– Эй, Макси! – крикнул ему Пров. – Иди сюда, тут Еванфия из Авака приехала.

– Ну и что? – пожал плечами Максим, однако подошел и минут пять не мог оторвать глаз от необыкновенного лица девчонки. Она рассказывала о своей стране, лежащей за морем, далеко на севере от Селавика. Когда-то давно Авак был колонией, а ее жители считались подданными Короля. Но потом мудрый Афиноген XXV решил – или ему подсказали министры – что держать такую бедную и холодную страну в подчинении слишком накладно, и лет сто назад Авак обрел свободу. Даже ушлые дольменцы на него не позарились, потому что у них, видите ли, “власть народа”.

Жители снежной страны впали в ничтожество и вернулись к своим древним промыслам, вдвое усерднее стали бить тюленя и нерпу, вылавливать рыбу и так далее. Все это Максим знал из уроков истории. Но подробно об этих давних делах в учебниках не писали, хватало и тем поважнее – биографии представителей Династии Кукшиных, например. Вот уж где можно срезаться: одних только родственников правящего Короля Селавика столько, что можно ночь напролет твердить их имена, а все равно всех не упомнишь. Хорошо еще, что учитель истории, Феоктист, и сам не всех знает, потому и не пристаёт с такими вопросами.

Максим раньше и не думал интересоваться торговлей, предпочитая развлекаться с приятелями. А вот Еванфия постоянно имела с ней дело, потому что ее отец был владельцем фактории на восточном берегу Авака. Когда-то в юности, влекомый романтикой севера, он приплыл туда с поселенцами из Селавика и купил себе участок между холмов, десять месяцев в году покрытых толстым слоем льда.

– А воду-то где брали? – спросил кто-то совсем потерявший голову.

– Так лед же кругом, – удивилась Еванфия. Ее странные, удлинённые глаза, черные словно деготь, лукаво сощурились.

Вообще она была какая-то удивительная, словно и не подданная Короля Селавика: волосы черные, длинные, а ногти, наоборот, короткие, аккуратно подрезанные, и украшений совсем никаких нет. На ней был вишневый в тонкую полоску костюмчик с юбкой до коленок, из-под воротника которого выглядывал кусочек белой маечки, и белые же, с дырочками туфли на тяжелых каблуках. А девчонки в городе чуть ли не поголовно таскали вышитые медными кольцами бриджи и холщовые сорочки, как примадонна гостившего в июле Королевского театра. Она исполняла роль какой-то народной героини Марфы.

– А летом-то? – подключился Пров.

– А летом с гор начинают бежать реки, и тогда воду даже вытапливать не надо.

– Ну ты и тупой, Прощка! – крикнул Лупа и засмеялся с натужной басовитостью. Максим неприязненно покосился на него: самый умный, что ли? Прова же вообще перекошило, но он промолчал, лишь видно было, как под скулами у него завозились острые желваки.

– Подумаешь, вода! – сказала Дуклида. – Я вот слыхала, что люди там тухлятиной питаются.

– У нас было свежее мясо, – нахмурилась Еванфия.

– Ладно, рассказывай сказки! Что, каждый день по тюленю забивали?

Разгорелся общий спор, к которому Максим почти не прислушивался: у него просто язык не поворачивался, чтобы обратиться к Еванфии с вопросом. Она пару раз взглядывала на него, но мельком, как будто не замечая – ну, стоит себе мальчик с открытым ртом, и ладно. Мало ли таких мальчиков?

– Ну ладно, ежели там так хорошо, что же вы обратно в Селавик приехали? – не вытерпела Дуклида. Почему-то она взъелась на новенькую. Наверное, потому, что раньше все знакомые ребята уверенно признавали ее самой красивой во дворе, а теперь часть из них, как опасалась Дуклида, может перемертвуть в Еванфины воздыхатели.

– Так получилось, – нехотя проговорила девочка. Лицо ее стало каким-то отстраненным, замкнутым, и спорщики осеклись, поняв – ничего она не расскажет, как ни проси, особенно в такой шумной компании. Вот если наедине, тогда может быть. И каждый сразу сделал зарубку в памяти: расспросить ее как-нибудь при случае, выведать “страшный” семейный секрет. А потом шегольнуть в разговоре тайным знанием, но не выдавать его, конечно, а так, намеком.

В последующие дни Еванфия нечасто выходила из дому, а если и появлялась во дворе, то все больше с отцом. Это был уже взрослый, почти старый человек со странным именем Игнатий, чуть ли не тридцати лет от роду. Он выглядел истощенным, не слишком опрятным, и почему-то сразу становилось понятно, что он стыдится своего преклонного возраста. По тихим разговорам среди сверстников Максим уяснил, что старик разыскивает родственников или ищет работу, но никто не хотел брать его.

Жили они у двоюродной сестры, в маленькой полутемной комнатухе на четвертом этаже, в компании многочисленной ребятни всех возрастов.

Еванфию определили в тот же самый класс, в котором учился Максим. Ничего удивительного, в нем как раз и собрали всех ребят одного возраста, обосновавшихся в третьем и пятом домах по Моховой улице. Правда, за четыре года учебы состав уменьшился вдвое, и в сентябре в класс пришло всего семнадцать учеников.

– Встречаем новенькую! – развязно крикнул Лупа, рыхлым снежком врываясь в кабинет и театрально вытягивая руку, словно объявил появление Королевы. Максим обернулся – он рассматривал старую географическую карту, на уголке которой в мае зачем-то нарисовал звездочку – и успел увидеть смущенную Еванфию, которая вошла следом и нерешительно мялась у порога. – Ну что же вы, барышня? Выбирайте место, – продолжал паясничать Лупа.

Ученики, успевшие собраться, сдержанно загудели.

– Прекрати, Лупа, – заметила Аделаида, возникая в классе последней. – Ой, извини, Харитоша. – Она взмахнула журналом, указывая перекосившемуся Лупе на его традиционное место в дальнем углу кабинета, и усмехнулась.

– Здравствуйте, Аделаида Серафимова, – загалдели ученики.

– Познакомьтесь с Еванфией Питиримовой, – сообщила природница. – Хотя вы наверняка уже видели ее... Не знаешь, куда приткнуться? Да вот к Максиму, у него, похоже, соседки не стало. С Ираидой что-то случилось, Макси?

– Утонула, – кивнул мальчик, а Еванфия тем временем юркнула за парту.

Максим и не заметил, как прошел урок. Пару раз учительница обращалась было к нему, спрашивая что-то о каникулах, но отвечал он явно невпопад, отчего по классу гуляли смешки, а Лупа попросту гоготал так, что стекла дребезжали. Еванфия один раз покосилась на соседа насмешливо, но не засмеялась, даже не фыркнула. А потом Аделаида будто забыла о Максими и пыталась других учеников, заставляя их мучительно вспоминать, что же им было задано на лето.

Ко второму уроку Максим немного пришел в себя, и к тому же в расписании значились столярное мастерство и рукоделие. А значит, класс разделился на две половины – девчонки скрылись за таинственной дверью, в самом загадочном кабинете школы. Тот и находился-то в углу, совсем далеко от выхода. А ребят погнали во двор, где издавна в сарае, в окружении некачественной мебели, изготовленной учениками, и проходили такие уроки.

– Что-то ты какой-то квелый сегодня, – заметил к середине занятия Макарий Ферапонтов по прозвищу Риска. – В прошлом году у тебя с металлом куда лучше получалось. Не любишь ты дерево, похоже. Или оно тебя не любит...

– Да где ж его любить-то? – заметил Пров. – У нас тут и деревьев-то нет. Вот если на юге...

– А я знаю, в чем дело! – загундосил Лупа, ухмыляясь. – Он в Евку влюбился.

– Ничего не влюбился! – вскинулся Максим. Но ребята только засмеялись, а некоторые даже похлопали его по плечам.

– Она девка ничего, хоть и авачка. Симпатичная.

– Рано тебе еще о семье думать, – нахмурился Макарий. – Вот закончишь школу, поступишь на работу, а там уже можно. – Учителю было уже далеко за двадцать, и он, по слухам, имел троих живых детей и еще двух погибших. – Если о девчонках мечтать, и до беды недалеко – инструмент штука хитрая, палец фуганком оттяпаешь, и вся недолга. А ты парень способный, только ленишься...

– Дурак он, – скривился Лупа, но его никто не поддержал.

Да, учеба в пятом классе у Максима не заладилась с самого начала. То ли предметы стали слишком сложные, то ли Еванфия и в самом деле была тому виной, только мало что у него получалось. В первые четыре года было почему-то не так тяжело. А сейчас редко когда удавалось удачно ответить, да и то случайно, почти наугад попадал. Особенно Максима дрови раздражали, всякие три пятых да семь шестых – и так-то язык сломаешь, пока скажешь, а их ведь еще и складывать заставляли. А то и вычитать, словно других чисел нет, попроще. Единственное, что ему давалось без всякого напряжения – дольменский язык: тот словно сам впитывался в мозг вместе со всеми временами, падежами и фонемами, не считая склонений и спряжений. “Юнаам-па-тепи-ни...” – читал он без запинки. – Поод-инда-у-и-ни” – “Переводи!” – “Не оттуда ли?... В смысле, не с огорода ли то, что... Это, короче. Оно принадлежит свинье”. – “Все слышали? Разберем подробнее...”

– Ты вряд ли сможешь найти хорошую работу с таким аттестатом, – однажды вполголоса проговорил Риска, когда Максим сколотил на редкость непрочную скамейку. – Я не помню такого случая с того времени, как у меня учился Гермоген. – Он сказал это себе под нос, но Лупа, конечно, услышал и тут же захихикал.

– Я передам Дрону, – радостно сообщил он, ничуть не понимая, что тому вряд ли понравятся слова Ферапонтова.

Несмотря на все школьные огорчения, кое-что столярное Максиму все-таки удалось. О том, чтобы достичь успехов в освоении права или, того хуже, химии, он и не мечтал, доверившись случаю и везению.

Прочитав однажды в учебнике истории о людях, одержимых небом, он тоже захотел подняться над толпой и воспарить подобно птице. Для этого требовалось всего лишь повторить подвиг первого летуна, которому удалось сконструировать деревянные крылья-махалки. В книжке даже приводилась очень грубая и приближенная схема летательного механизма, скорее даже не схема, а ее набросок. В общем, ее изучение могло дать серьезному столяру не больше сведений, чем созерцание полярной совы.

К тому же судьба легендарного летуна, проживавшего далеко на юге страны, в Кукшире, сложилась туманно – он то ли погиб при испытании своего изобретения, то ли был повешен за насмешку над природой. Учебник обходил этот вопрос молчанием, а учитель истории и права Спиридон по прозвищу Параграф выдвигал сразу несколько версий.

Но Максим рассудил, что картинки в учебнике достаточно. Натаскав отовсюду деревянных планок, он принялся увлеченно скреплять их между собой – клеем, гвоздями и проволокой.

– Не полетишь, – уверял его Ефрем, порой заходя в гости, но помогал мастерить крылья с увлечением. В итоге махалки стали их общим детищем, громоздким, едва пролезающим в дверь, но невыразимо прекрасным, как бесконечное ледяное поле с торосами. Крылья

похрустывали “суставами”, шелестели парусиной, овеявая “мастеров” волнующими потоками воздуха, и словно живые трепетали от предчувствия полета.

– Развели тут мусор, – ворчала Дорофея, подметая под распластанным изделием. – А ну как разобьешься? Помнишь, как мама с крыши упала?

– Были бы у нее такие махалки, не упала бы, – убежденно отвечал Максим.

Конечно, сохранить крылья в тайне не удалось, слишком уж подолгу пропадали ребята в квартире Рустиковых. Посмотреть на них приходили все, даже Лупа как-то раз пытался, но Максим не пустил того на порог, и Харитон в злобе убежал, выкрикивая гадости. Риска тоже прознал о мастерской Максима, и после этого относился в нему несколько мягче, почти не обращая внимания на проколы в учебе. Еванфия тоже приходила несколько раз. Погуляла вокруг конструкции, потрогала крепление ткани к планкам и сказала:

– Неплохо бы проволокой усилить. А то еще оторвется.

– Много ты понимаешь, – насупился Максим. – Куда уж усиливать-то?

Девочка хмыкнула и удалилась, задрав нос, даже спорить не стала.

– Не обращай внимания, – посоветовал Ефрем, который в это время как раз крепил петли для рук. – Но я бы сделал, как она сказала.

– Да я и не спорю, – признал Максим.

И вот наступил великий испытательный день. Осенние вьюги только что улеглись, и снег лежал на мостовой плотным слоем, почти не утрамбованным пешеходами и мобилиями. Ефрем с Максимом вышли пораньше, пока Солнце не успело как следует выбраться из ледяного плена моря. Было сумрачно и холодно, но ветер не сметал с ног, так что держаться на скользкой крыше было несложно. Тут конструкторы окончательно собрали весь аппарат, наскоро соединив крылья между собой.

– Я первый полечу, – вдруг заявил Ефрем.

– Еще чего! – возмутился Максим. – Это я придумал махалки. Даже не думай.

– Ткань для них я принес. Без ткани твои махалки ничего не стоят.

– Нет, вы посмотрите! – вскричал Максим, будто вокруг стояла толпа зрителей. Но из башенки на крыше выглянула только облезлая дикая кошка, которую разбудили посторонние звуки.

– Хорошо, – сказал Ефрем. – Но и тебе рисковать я не позволю. – Он схватил кошку за шкурку и поднял ее, добившись оглушительного мяуканья. – Забыл, что первый конструктор крыльев бесславно погиб? Вот пусть лучше она полетит.

Пришлось Максиму пообещать, что он не прыгнет с крыши. Они привязали зверька-испытателя к постромкам, и Ефрем отправился вниз, чтобы вовремя поспеть к упавшим махалкам и не дать прохожим растащить их на топливо.

Увы, испытание и в самом деле окончилось полным провалом. Налетел порыв ветра, и крылья тут же перевернулись: даже не думая лететь, и обрушились с десяти саженей, погребя под обломками зверька. Максиму потом целую неделю пришлось выхаживать кошку, прежде чем она смогла двигаться самостоятельно. Чем, кстати, зверек моментально воспользовался, однажды темной ночью убежав от неудачливого конструктора. А подстилку, бывшую ткань для махалок, Максим потом отдал сестрам, чтобы они пошили себе каких-нибудь тряпок.

В школе эта бесславная история еще долгое время служила поводом для шуток, хорошо еще, что свидетелей краха не нашлось. “Эх, а ваши-то крылья небось до сих пор летят, – порой говорил кто-нибудь из одноклассников. – И почему я не птица?” Пожалуй, одна Еванфия не смеялась. Наоборот, она словно разглядела в соседке по парте какие-то знакомые ей прежде черты и частенько помогала ему во время опросов и прочих школьных бед. А когда он слишком уж подолгу глядел на ее профиль, замирая от желания тут же, на уроке, поцеловать Еванфию. Она же не хмурилась, а только шептала уголком рта: “Да слушай же! Потом спросят ведь”.

К зиме Максим уверенно выбился в самые неуспевающие ученики класса, да пожалуй, и целой школы.

После особенно неудачного дня он понял, что так нельзя, пора собраться и выучить наконец то, что так и не осилил за осень. Он засел за учебники, но будто само Солнце вместе со своими братьями и сестрами выжгло ему голову – в ней ничего не могло осесть больше чем на несколько дней. Этого хватало, чтобы кое-как держаться на самом дне и не быть отчисленным, но и только. А вот Еванфия на удивление быстро втянулась и наверстала все, недобранное ею в Аваке. Оказалось, что она самостоятельно читала там разные книжки, оставшиеся от прежнего владельца зимовья – древние, местами покрытые заскорузлыми корками звериной крови.

-11

Этот странный старик Игнатий, отец Еванфии, чем дальше – тем хуже выглядел. Нередко он приходил домой затемно или вообще под утро, всегда смертельно пьяным. Максим нипочем не знал бы об этом, если бы не крики, которые порой доносились из Еванфиной квартиры. Визгливый девчоночий голос, непонятно чей, верещал при этом почти неразборчиво: “Не убивай! Пожалуйста, не убивай маму!”, а Игнатий невнятно, глотая слоги, выкрикивал что-то насмешливое. Слушать такое среди ночи было дико.

Нередко при этом раздавался ужасающий грохот, а один раз даже разбилось стекло, выбитое стулом – рано утром Максим видел во дворе его обломки, которые никто из жителей дома почему-то не стал подбирать. Оставшиеся в раме осколки топорщились хищными зубами неведомой прозрачной твари.

После этого Игнатий с затравленным видом возился с малышами, водил их по городу и покупал им сласти. Похоже, деньги ему все же удавалось добыть, и ребята сходились во мнении, что он примкнул к шайке разбойников и грабит по ночам прохожих. Однако Максим сомневался – как мог такой невзрачный, можно сказать хилый тип кого-то ограбить?

В его буйства никто из соседей не вмешивался. На то есть родственники, терпящие его под своей крышей. Впрочем, когда Игнатий не был пьяным, он вел себя прилично, никого не задирал и не читал нравоучений, как прочие старики, например Мария. Даже дарил детям ефимки, по пять-десять штук, и при этом все озирался на окна своей квартиры, будто ожидал оттуда злобного окрика.

А как-то раз в июне Игнатий приехал на настоящем велосипеде, с огромным передним колесом и торчащими из него гнутыми трубками с педалями. Это была замечательная штука, особенно два маленьких колесика под кривой железной трубой, на которой крепилось сиденье со спинкой – они были одеты в мягкий каучук и сверкали новенькими спицами. Кататься на такой дорогой машине никто не умел, и Игнатий полдня давал толпе ребят и девчонок уроки мастерства.

Постепенно из разрозненных слухов и басен выяснилось, что Еванфия родилась, судя по всему, от коренного авакца. Игнатий догадался об этом по внешности младенца, не стерпел и сгоряча застрелил жену. Но его не наказали, потому что не смогли доказать его вину, и к тому же в Аваке суды не такие строгие и молниеносные, как на материке, ведь народу там и так мало. Вот он и привел в дом местную девушку, а из детей первой жены у него осталась в живых только Еванфия. Что случилось потом, неизвестно, мнения об этом разделялись. То ли Игнатий поссорился с кланом новой жены, то ли заподозрил ее в измене, убил и бежал в Селавик, то ли она ушла от него, а может, просто умерла.

Такая вот семейная драма.

Однажды в начале сентября Игнатий просто не вернулся. В ту ночь ударил первый мороз, землю присыпал тонкий слой снега, и этого старика, совсем обветшавшего от пьянства, нашли

утром в полумраке арки, замерзшим насмерть. К тому времени велосипед уже лежал в дальнем шкафу Еванфиной квартиры – ось, соединявшая задние колесики, переломилась пополам, потому что какой-то умник вскочил на нее, чтобы прокатиться. Отдать велосипед в починку Еванфия не стремилась, резонно рассудив, что по снегу не поедешь, да и денег на ремонт у нее не было.

0

Удивительно, до чего иногда разнятся между собой мнения людей об одном и том же человеке. Вот, например, молодая женщина, которая всего несколько дней назад вырвалась с материка и теперь может не опасаться того, что ее убьют за пособничество мужу. На родине она – первый кандидат на объятия матушки Смерти. Здесь же, на броненосце, что уверенно удаляется от берегов Селавика, ее принимают за сестру по духу.

Но ей никогда не стать им настоящей сестрой, ведь ее истинная родина остается за кормой корабля.

-11

Когда наступил последний месяц учебы, Максим наконец внял увещаниям учителей и всерьез задумался о будущей работе. К тому времени он уже понял, что одним лишь трудом богатства не нажить – так, только на хлеб и хватит. Должно быть у человека что-то еще, какая-то неуловимая особенность, которая и позволяет скрутить собственную судьбу в рог и выжать из нее всю до последней капли удачу. Двум хлыщам, пострадавшим от его ловких рук на рынке, о таких вещах можно не думать – их чиновные или Храмовые папаша позаботились обо всем заранее. Только таким Максим скорее не завидовал, а сочувствовал – фальшиво, конечно. Никакие, даже самые богатые родители не вечны, и оказаться в десять лет в окружении малолетних братьев и сестер без прежних доходов...

А вот он, Максим, к такому обороту готов. Просто потому, что отца своего он никогда не видел, а мать работала простым письмоводителем в Почтовом приказе.

Но прошел праздник таяния снегов, как всегда полный воды и сапог, сочащихся влагой, и все благоразумные мысли выскочили из головы Максима, будто вымытые оттуда стылými ручьями. Ему еще полагалось небольшое пособие, как школьнику, всего талер в месяц, но и этого хватало на леденцы. Ефрем какое-то время погулял с ним, но Максим уже замечал в нем озабоченность и этакую “взрослость”, когда он вдруг начинал рассуждать, как применит полученные в школе познания.

– Ну и куда ты собрался? – спросил однажды Максим, когда они торчали на пристани – как раз прибыл барк с товарами на зиму: торфом, солью и другими ходкими штуками, доставить которые в холода по суше будет раз в пять дороже. Сезонники сновали по сходням, исчезая то в трюме, то в двери склада Королевской Колониальной компании. Неподалеку с руганью и скрипом лебедек разгружался рыболовный парусник, по самые реи измазанный блестящей чешуей.

– Да есть тут недалеко одно место... Я недавно Фаддея встретил... Ты его не знаешь, он с моим братом водился, пока Авдий не погиб. Вот Фаддей мне и сказал, что у них есть место в конторе, чертежником. Фабрика приличная, на том конце Восстания. Помнишь, мы на прошлой неделе мимо проходили? Хозяин хороший, в третьем колене дело ведет.

– К Петру Поликарпову, значит, надумал? Я читал в газете, что он взял подряд на изготовление оружия. Всякие там мортиры, винтовки и пули.

Место и впрямь было неплохое, надежное, не то что в каком-нибудь Приказе на побегушках служить. В мастерских и с жалованьем получше, да и просто солиднее. Не в рыбаки же, в самом деле, подаваться – хотя вслух такого Максим никогда не произносил, профессия морехода в Ориене почиталась будь здоров. Вот только тонули эти ребята то и дело, ни один знакомый Максиму рыбак не дожил и до двадцати лет. Конечно, это не останавливало желающих податься с бригадами в море, все-таки доход профессия рыбака давала твердый и стабильный.

Лупа тоже собрался в море. Однажды июньским вечером он принялся расписывать достоинства профессии – мол, рыбы круглый год завались, на оленину можно обменивать...

– Ты же хотел стать оленеводом, – усмехнулась Еванфия.

– Ну, хотел, – насупился Харитон. – Только это дорого стоит. Сначала надо заявку подать, чтобы тебе участок тундры дали, а участки только далеко от города остались. И олени дорогие. К тому же рынки сбыта уже поделены, – щегольнул он ученостью, – кому оленину продавать? А рыбаки все вместе держатся, там молодежь нужна.

– А как же фактория? – спросил Максим. – Весь улов положено представлять для учета и продавать муниципии по низкой цене. А потом рыбаки пользуются им наравне с прочими горожанами.

– Много ты понимаешь! – осклабился Лупа. – Я с артельщиками разговаривал, теперь можно будет часть рыбы оставлять себе и продавать на рынке. Чего ты спиришь, ведь у тебя самая плохая отметка у Параграфа! Тебя даже лодки чистить не возьмут.

– Значит, по-твоему, Максим дурак? – прищурилась Еванфия.

– Почему? – заюлил Лупа. – Я так не сказал...

– Но подумал! – встрял Ефрем. – Знаешь, Лупа, что-то ты мне в последнее время совсем не нравишься. Это Дрон на тебя плохо влияет?

– Гермогена не трогай...

– Молчи, Фекла, – поддержал товарища Пров. – Ты еще не знаешь, что это за тип. Думаешь, если он кучу талеров в дом таскает, то уже герой? Может, он их крадет?

– Ну и Смерть с вами! – сорвался Харитон. – И покруче вас ребята найдутся. – Он метнулся взглядом по сжатым кулакам Максима и быстро отступил в глубокую тень, где трепыхалось на ветру влажное белье. – Очень надо с такими уродами водиться... – И в темноте быстро застучали, удаляясь к парадному, его башмаки.

В начале августа Максим все-таки собрался с духом и пошел к муниципии, там на особой тумбе всегда висели объявления о приеме на работу. День выдался дождливый, ветреный, и народу на улицах было мало, да и тот, топорща воротники, старался поскорее укрыться в домах. Максим в одиночестве стоял у тумбы, переступал вокруг нее и вчитывался в куцые обрывки, выцветшие от Солнца и полусмытые дождями. Свежих объявлений имелось всего два: одно приглашало во вновь создаваемую бригаду рыбаков, автор второго сулил приличный заработок в типографии газеты «Северный Селавик». Требовалось очень крепкое телосложение. Еще десяток блеклых объявлений гласил о наборе рекрутов в Королевскую Гвардию или служителей в Храм Смерти, причем набор проводился тут же, в муниципии. Остальные же, оставшиеся пока разборчивыми, заманивали девушек с разными умениями – швей, продавщиц, официанток, учительниц и прочих.

– Задумался о будущем? – услышал Максим справа от себя, вздрогнул и увидел ссутулившегося Макария с пухлой папкой, зажатой под мышкой.

– Да вот...

– Зря ты, Рустиков, баклуши бил, сейчас бы уже пристроился. На моих учеников почти на всех пришли заявки из разных контор и фабрик. Вот Ефрем, например – это ведь твой друг, кажется? – к Поликарпову пошел.

– Я знаю, – мрачно сказал Максим.

– М-да, незадача. Знаешь-ка, а ведь ты по металлу совсем неплохо работал, помнится. Как тебе должность ученика слесаря? Я вот только что из муниципии, от Поликарпова еще одну заявку принесли. Расширяют производство... Справишься? Выпишем тебе направление.

– А можно? – замер Максим, еще не веря в такую удачу. Уж с металлом-то он справится, с медью да оловом!

Первый зимний сезон без школы прошел в трудовых буднях и мечтаниях о пяти беззаботных годах, что невозвратно, словно гарпун пролетели мимо.

Максим прилежно ходил к восьми часам на фабрику, где под командой опытного слесаря Сакердона стачивал риски и даже осваивал помаленьку токарный станок. Сакердон заставил его выучить инструкцию наизусть, но Максим все равно побаивался этого железного монстра, во время работы надсадно гудящего валами. Вдоль стены цеха выстроился длиннющий ряд станков, и все они почти непрерывно гнали разные болты, оси и штуцера, комплектуя лафеты для пушек и корабельные агрегаты. На верфи как раз сооружался парусно-винтовой броненосец «Викентий Великий», официально названный в честь прадеда царствующего самодержца.

Жалованье за сентябрь у Максима составило пять талеров, а каждый следующий месяц управляющий, двадцатилетний бородач Филарет, вечно раздраженный и выискивающий неполадки в работе, добавлял ему по четыре ефимка.

Викентий XVIII и в самом деле был замечательным королем. Главной его заслугой перед страной стала успешная война с Дольменом: в 90-х годах прошлого века он собрал сильное войско и отвоевал Каменные Земли. А земли эти, в свою очередь, приносили своему владельцу порядочный доход, потому что в старину сквозь них был прокопан канал. Всякое судно, проплывавшее по нему из Северного моря в Южное, платило подати в казну той страны, которая владела каналом. Кто прорыл искусственную реку и обустроил ее двумя примитивными шлюзами – дольменцы, селавикцы или же некая древняя раса, – теперь установить было уже нельзя. Случилось это так давно, что с тех пор Селавик успел раз десять отвоевать и вновь потерять этот клочок суши. Все это смутное время шлюзы постоянно латались и приводились в согласие с современной инженерной мыслью. Викентий XVIII, овладев спорной территорией, возвел на границе с Дольменом новые крепости, подновил старые и тем самым отбил у старинных врагов охоту воевать за доходный канал.

Максим даже гордился тем, что помогает строить броненосец с королевским именем, и специально заучил биографию славного монарха, чем в свое время пренебрег в школе. Еванфию, правда, он своими познаниями не поразил – она и так владела историческим материалом.

Работать она устроилась в Колониальную компанию, чья контора находилась довольно далеко от дома, на Песцовой улице. Из окон крошечного, но светлого кабинета, где помимо нее корпели над разной документацией девушки, видна была вертлявая и мелкая Дениза; речушка замерзала уже к октябрю. «В ней Ираида утонула», – сказал Максим, когда услышал от подруги о Денизе. «Это твоя прежняя соседка по парте? Симпатичная была девчонка?» – «Обыкновенная», – насупился Максим.

Противоположный берег, вдоль которого якобы тянулась Рыбья улица, был сильно обезображен топливными складами компании, там вечно летали клубы угольного дыма, а восточный ветер нес запах торфа. Еванфия пару раз пожаловалась Максиму на пыль и шум, поднимаемый грузчиками при фасовке и прочих манипуляциях с углем или торфом. Из-за этой беды окно совсем редко открывается, а в чае плавает что-то мелко-каменное.

– Твой любимый король, между прочим, не только захватил Каменные Земли, – однажды сердито завила она, когда Максим выходным октябрьским днем повел ее на море и по пути живописал достоинства будущего броненосца. Друзья собрались покататься на коньках: погода случилась самая прогулочная, Солнце только взобралось на вершину своего короткого осеннего пути, а лед в заливе окреп. – Он принял на службу диких каперов, и с тех пор всякий

чужой корабль рискует быть ограбленным. А если капитан вывесит флаг Селавика, не заплатив пошлину, его судно вообще сразу утопят.

– Ну и хорошо, – воскликнул Максим. – Нечего под чужим флагом плавать!

– Да ты ничего не понимаешь, что ли? – рассердилась Еванфия.

– Я все понимаю! Умная какая. Что тут непонятного?

– Ладно, оставим эту тему, Макси, – неожиданно мягко сказала она. – Извини меня за мои резкие слова. Просто отец несколько раз нанимал судно для отправки своего товара в Роландию, Магну, другие южные страны и колонии... Его три раза грабили, почти не оставляя прибыли. А в последний раз вообще все отняли, и мы разорились...

– Я и не знал, – пробормотал Максим, недоуменно глядя на подругу. Ему никогда не приходило в голову, что полезная деятельность короля может быть кому-то из граждан неприятна. Впрочем, покойный Игнатий, когда разорялся, гражданином Селавика как бы и не был...

Еванфия промолчала, глубже закутывая нос в шарф – с моря дул сильный ветер, обжигая колким холодом нос и щеки.

-10

Зима пролетела незаметно – в работе и ежевечерних сходках бывших одноклассников во дворе, а народные и государственные праздники только подстегнули бег времени. Максим и оглянуться не успел, как миновали забой оленей и День Горячей Крови, после которого у него полночи болел от переедания живот. С уличными кострами и даже мортирой, пальнувшей в небо шутихами, наступил Новый Год, согрел первым лучом праздник Солнца, отмеченный вином из прошлогоднего запаса. Отшумела Ярмарка мехов, на которой Максим обзавелся новой, купленной на заработанные им деньги бельковой шубой – длинной, легкой и безумно теплой, будто внутренности едва погасшей печки.

Дворовые рыбаки уже стали собираться в бригады, обсуждая свои малопонятные профессиональные темы, лед в бухте затрещал, и тут Максим вдруг поссорился с Еванфией. Он всего-то пожелал застегнуть на ней шубку, но ненароком угодил руками ей под одежду, а она почему-то надула губы и отпихнула его.

– Ты чего с Евкой не разговариваешь? – удивилась тем майским вечером Фекла. Ефрем поддакнул и демонстративно притянул подругу к себе.

– А что, я обязан? – рассердился Максим. – Это она не разговаривает.

А на другой день Ефрем спустился из своей конструкторской комнатенки, с опаской миновал стропы кранов, что миногам свисали с потолочных балок, увильнул от тележек и прокричал едва ли не в ухо Максиму – как раз заработал соседний станок, рассыпая веером стружки:

– Дело есть!

Максим оглянулся на мастера – не смотрит ли? – затем взглядом спросил: “Ну?” Напильник он так и не выпустил, какой в том смысл, если руки у него к тому времени двигались почти самостоятельно, независимо от того, что бродило в голове.

– Вот, взгляни тут, нет ли чего похожего? – Ефрем развернул перед ним лист бумаги с тщательно прорисованным стержнем. И размеры все были указаны, и даже шаг резьбы, что шершавилась с обоих концов палки.

– Тебе зачем?

– Так лето же скоро, – удивился Ефрем. – На велосипеде не хочешь кататься? – Он помолчал. – Да, Еванфия просила тебе передать, что будет рада, если ты сам занесешь ей новую ось.

Максим молча сгреб чертеж и закинул его в ящик своего учебного верстака, в компанию к железному хламу, и вернулся к работе. В обеденный перерыв он сходил на двор и

отыскал среди приличного лома, сваленного под навесом, подходящий ствол от бывшей винтовки. Сакердон не возражал и даже отвлекся от шашек, когда Максим позвал наставника на помощь.

– Что ж, – сказал слесарь, ознакомившись с чертежом. – Здесь отпили, тут подточил, резьбу ты умеешь делать... Тут можешь сверлом поработать. Давай-ка за полчаса управься, а то иначе неинтересно. Деталь уж очень несложная. Будем считать, что я устроил тебе проверку мастерства.

Только на велосипеде Максим один раз и прокатился – как-то вдруг потерял всякий интерес к этому занятию. Может быть, трехколесная “повозка” утратила для него налет мистической тайны, которая всегда сопутствует необычным механизмам, таящим внутри множество невидимых деталей? А у велосипеда все было на виду, любую шестеренку можно было потрогать руками и покрутить.

-9

Максим и сам не заметил, как оказался на дальнем от дома конце улицы Восстания, рядом с фабрикой. Хотя у него и был сегодня выходной, а заглянуть в родной корпус так и подмывало. Он не удержался, вошел в калитку рядом с закрытыми воротами, поверх которых висела чугунная пластина с приклепанными к ней медными буквами “Оружейные мастерские Петра Поликарпова”. Огромный двор фабрики был завален проржавевшими железными деталями от мортирных механизмов, гнутыми стволами “магазинков”, пустыми барабанами из-под проволоки и прочим хламом. За последний месяц его стало особенно много – повсюду в армии провели инвентаризацию и списали старое оружие. Из военного ведомства посыпались заказы на новые винтовки, один крупнее другого, прибыло девять подвод с пироксилином от иногороднего производителя. Не сегодня – завтра курьер привезет заказ на новые мортиры. К тому же наверняка потребуются какие-нибудь детали для пострадавшего от обстрела броненосца.

– У тебя же вроде сегодня выходной, – удивился совсем еще безусый гвардеец, охранявший территорию фабрики от посторонних.

– Да так, вдруг срочная работа подвалила... Проверю, как и что. Тут есть кто-нибудь?

– А как же! Фаддей уже часа два как в своей мастерской колдует. А больше никого и нет, кроме хозяина, да тот ведь будто живет здесь. Как тревогу объявили, так и разбежались все.

Только тут Максим заметил огромную воронку, что зияла между двумя кучами металлолома. И пара стекол первого яруса была разбита... Ладно, летом не так страшно.

Фаддей Трифионов обитал там же, где и Ефрем – на втором этаже, в конструкторской. Когда Максим, прогрохотав подошвами по шаткой металлической лестнице, взобрался на щербатый настил и толкнул дверь с треснувшим стеклом и надписью “Главный конструктор”, Фаддей занимался тем, что неотрывно взирал на горку черного пепла перед своим носом. Она вышлась на медном листе.

– Привет! – сообщил Максим. – Я вижу, у нас совсем пусто. А ты чего на работе? Сегодня же выходной.

– А, привет, – не поворачиваясь, откликнулся Фаддей. Это был помощник главного механика фабрики, самый странный из всех знакомых Максима. Лет Фаддею было почти семнадцать, а он все еще не завел не только семьи, но даже просто девушки. Однажды Максим по приглашению Фаддея заглянул в салон его старшей сестры, немалой чиновницы муниципии. Подражая столичным дамам, она каждое воскресенье устраивала у себя чаепитие, на которое приглашала множество гостей, зачастую незнакомых друг с другом. Порой даже из разных слоев “общества”, как в случае с Максимом. Ему там не понравилось, слишком уж косо

поглядывали чиновники на слесаря. А возрастная незамужняя девица, из-за которой его, собственно, и позвали, показалась ему глуповатой и вздорной особой.

Многие подозревали Фаддея в несообразных наклонностях, но на самом деле он был самым настоящим фанатиком науки и особенно техники. Вот и сейчас по правую руку от него лежал потрепанный том с надписью “Основания химии” на переплете. Ефрем был таким же одержимым: уж если упрется в какую-нибудь тему, перечитает все книжки и разрисует десятки бумажных листов. Оттащить его в такие часы от стола удавалось только силой.

Максим поморщился – уж его-то ни за какие коврижки не заставишь торчать в мастерских, когда на улице происходит столько интересного.

– Что такой скучный? – спросил он. – Пошли прогуляемся по Дворцовой. Винца выпьем, яколы пожуюем! Праздник же.

– Смотри, – сказал Фаддей, не обратив на речи Максима внимания. – Видишь эту кучу сажи? Это сгоревшие остатки пироксилина, которым начинены наши бомбы. Я сегодня был на пристани, наблюдал за сражением и никак не мог сообразить – почему снаряды постоянно взрываются прямо в пушках? Это ведь нехорошо и очень опасно.

– Ясное дело, – согласился Максим. – Зато и в крейсере они тоже взрывались, я сам видел. – Сведения, полученные от гвардейца на пирсе, оказались кстати. – Недаром же он утоп.

Фаддей вдруг смахнул сажу на пол и решительно встал, схватив со стола трактат по химии. Книга в его жилистой, худой руке взметнулась ввысь, а лицо прояснилось и обрело торжествующее выражение.

– Я понял! Крейсер! Конечно же! У них тоже были на борту мортиры, но они стреляли весьма исправно. И поражали наших артиллеристов меткими залпами! Если мне попадет в руки образец их запалов, я придумаю, как изготовить такую же начинку. Спасибо, Макси! – Он похлопал товарища по плечу и заметался по комнате, едва не сметая чертежные доски, столы и стулья.

– Да ладно. – Максим был польщен.

– Завтра же снарядим плавательную экспедицию в бухту. Стой-ка, – опомнился Фаддей, кинул древний трактат, поднявший облачко пыли, и раскопал на своем столе среди вороха бумаг какой-то документ. – Почитай, тебе это может быть интересно. Хорошо, что ты заглянул, не придется на вашу Моховую тащиться. Сегодня утром курьер из муниципии принес. А хозяин приказал мне доставить это Ефрему или тебе.

Ученик слесаря опасливо принял лист и прочитал заголовок: “Владельцу Оружейных мастерских города Ориена Петру Поликарпову”. Он хотел уже вернуть бумагу под предлогом, мол, не его ума дело знакомиться с ней, но Фаддей нетерпеливо ткнул в нее пальцем, принуждая Максима продолжить чтение. Напечатанный крупными витиеватыми буквами на бледно-зеленом фоне, текст гласил: “Королевская Академия Наук объявляет дополнительный набор на шестимесячные курсы молодого механика, открываемые при Университете. Специализации – баллистические орудия, корабельное дело, ручное огнестрельное оружие и другие военные дисциплины. Распределение состоится по результатам беседы с учеником, которая пройдет 15 сентября 529 г. в Палате собраний Университета. На означенных курсах молодые механики ознакомятся с наинovelейшими разработками ученых Академии, что в дальнейшем позволит Вашему предприятию расширить ассортимент продукции и заключить с Военным ведомством дополнительные контракты. Фабриканты, не направившие на учебу способных механиков, по прошествии удобного времени будут исключены из списка поставщиков вооружений, потребных для армии Его Величества Викентия XIX”. И гордая двухстрочная подпись: “Канцелярия Его Величества, Королевская Академия Наук”.

– Ну? – насутился Максим. – Для чего ты мне это подсунул?

– Время не ждет... – пробормотал Фаддей. Пока юный слесарь изучал королевский эдикт, помощник успел погрузиться в изучение какого-то сложного чертежа. Реплика Максима

выдернула его из мира механизмов в мир людей. – Завтра обоз с ополченцами отправляется в столицу. Передай Ефрему, что ему надлежит собраться и прийти к восьми часам к заставе. Хозяин предназначил его в ученики. – И он рассеянно засвистел бодрый мотивчик, вновь вонзая пристальный взор в свою схему.

Максим повертел бумагу в руках, не зная, то ли сообщить о смерти Ефрема, то ли промолчать.

– А если он откажется? – наконец спросил он.

– Значит, ты поедешь, только и всего... Матушка Смерть, чуть не позабыл! – Он с досадой хлопнул себя ладонью по лбу и выдернул из кипы бумаг еще один листок, почти такой же представительный, только вдвое меньшего размера. Поверху его значилось: “Без метрики недействителен”. А пониже теми же неумолимыми буквами сообщалось: “Пропуск. Предъявитель сего (пробелы вместо имени и фамилии) является слушателем Королевских Академических курсов. Его (ее) надлежит незамедлительно пропускать через дорожные посты, способствуя скорейшему прибытию в Навию”. – Вот, пусть впишет себя и отправляется.

– А это обязательно? Ну, в смысле, кроме меня или Ефрема некому поехать?

– Вы у нас самые молодые на фабрике. И так заказов невпроворот, а тут еще квалифицированного работника отнимают. Поликарпов так распорядился, и ничего тут не поделаешь, остальные рабочие слишком важны для производства. Иначе прибьет за нарушение эдикта и будет прав. Да что ты, в самом деле! Столицу повидает, самого Короля... Может быть. Это же здорово, как ты не понимаешь? Ладно, двигай, мне работать надо.

И Фаддей опять погрузился в раздумья над чертежом, на этот раз, видимо, уже совсем глубокие. В пыльном конструкторском кабинете воцарилась почти полная тишина, только со стороны улицы Восстания доносились возбужденные возгласы толпы. Максим постоял еще с минуту, переваривая новость, затем медленно свернул пропуск, сунул его в карман портов и пошел прочь из этого храма военно-научной мысли.

Он был раздавлен и твердо решил уклониться от “призыва”. Во-первых, у него нет никакого таланта к военной технике, а во-вторых, бросить сестру в такое время – просто свинство. Да разве убедишь в этом хозяина? Значит, придется у кого-то прятаться, пока эта возня с курсами не утихнет.

“Постой-ка! – подумал вдруг Максим. – Никто не мешает мне как бы передать бумагу Ефремовым родичам. А коли уж он не пришел к заставе, то это его беда... Прости меня, друг, за такие думы! И не придется бросать работу”.

Он повеселел и под гомон толпы свернул на Дворцовую. Тут уже царило подлинное столпотворение: мамы лавировали со своими колясками, дети сновали чуть ли между ног у рослых прохожих, цепляя их штанины и юбки всякими липкими сладостями, а поодаль, направляясь со стороны муниципии, навстречу Максиму двигался... оркестр! Максим едва не задохнулся от восторга и самого черного ужаса, настолько редко он оказывался так близко к музыкантам – в общем-то, лишь один раз. Он перебежал на противоположную сторону Дворцовой и пристроился на возвышении у тротуара, пока там еще оставалось свободное место. Попасть в первый ряд удалось ему лет шесть назад, на день рождения Короля, когда Максим был достаточно вертким, чтобы проскальзывать между потными телами сограждан. Это был первый год без мамы, а та никогда не пускала детей на улицу, по которой в это время вышагивал муниципальный оркестр, заставляя их смотреть и слушать издали. Максим запомнил этот случай еще и потому, что тогда с ним увязалась София.

Она скулила позади, цеплялась за полу его рубахи и поминутно спрашивала: “Идут? Идут уже?” – “Да слышно же будет!” – сердито отвечал Максим и пытался стряхнуть ее цепкую ручонку, но тщетно – она ухватилась за него как за корягу в бурной реке. Да так оно по сути и было. Главным оружием Соньки всегда были язык и ногти, толкаться она не умела.

Они почти выпали на открытое пространство посреди солнечной, жаркой Дворцовой, разом словно окунувшись в поток почти свежего, подвижного воздуха.

– Расступись! – раздалось совсем рядом, и толпа отхлынула назад, оттесняя напирających сограждан. Максим рванулся между столбами чужих ног, давя чьи-то пыльные туфли, и дернул за собой Соньку – она сопротивлялась, открыв в возбуждении рот. – Расступись!

Уши наполнились близким, гармоничным пением сверкающих труб, оно взлетело в белесое небо так, словно музыканты разом приложились к мундштукам и звонкоголосым ударным инструментам. Музыка подавила все – и короткие выкрики гвардейцев, что умело оттесняли толпу с пути оркестра, и вопли тех, кому не повезло. Труды пели самую торжественную песню из всего репертуара – гимн Королевства Селавик, тягучую и тревожную мелодию, пересыпанную трелями гобоев. В ней смешались и гнев на врагов Королевства, и мощь Закона, объявшаго бумажными крыльями Уложений всю страну, и красота дремучих, словно волосы пилигрима, необозримых, словно вечный океан, лесов Селавика, лишь сотню миль не дотянувших до Ориена.

Заслушавшись, Максим в самый последний момент заметил тени гвардейцев, упавшие на мостовую – к счастью, был полдень, и процессия двигалась с юга, со стороны муниципии.

– Стой! – вскрикнул он и вцепился в подол Софииного платья. Она выпала из ряда и повизгивала от восторга, и блики от сияющих труб заиграли на ее ошалелой физиономии.

– Дорогу! – Ближайший гвардеец взмахнул штыком, собираясь отбросить Соньку с пути, но Максим обеими руками дернул ее, ослепшую от ликования, на себя, увлекая в тесный клочок пространства между женских ног и чьими-то пыльными штанами. Штык, черной молнией метнувшийся к неловкой девчонке, вспорол воздух, прямо над головой Максима что-то с мокрым всхлипом лопнуло, и горячие брызги упали на его макушку, опаливая кожу.

– Пусти, – зашипела Сонька, вырываясь словно угорь из садка, но Максим держал ее крепко, хотя она и пыталась его поцарапать: лицо сестры исказилось от ярости. Ей просто негде было развернуться. – У меня талер выпал!

Она наконец выскользнула из его захвата и принялась шарить пальцами между камнями мостовой, вполголоса ругаясь. Мощь гимна между тем достигла апогея – ряды сосредоточенных музыкантов уже шествовали мимо ребят. Максиму же было не до них – сверху на него навалилось страшная, непереносимая тяжесть, влажная, потная и безвольная. Он рванулся к сестре, чтобы присесть рядом с ней: последние трубачи миновали их место, и гул инструментов разом стал ниже, глуше, будто отгороженный стенами домов.

Раздосадованный неожиданной помехой, мальчик столкнул наконец с себя нечто, и на дорогу с мертвым шорохом, стукнувшись затылком о брусчатку, упала девушка, рядом с которой и засели ребята. Ее живот был распорот ударом штыка – пострадали и нижние ребра, торча из кожи неровными щепками. Платье успело пропитаться кровью, и та не останавливалась, бежала густой, смешанной с желчью струйкой, увлажняя горячие камни. Однако София ничего не видела, остервенело ощупывая дорогу. Наконец она радостно вскрикнула и махнула перед носом брата монетой – та была вымазана в буром, липком.

– Оботри хотя бы, – прошипел он.

Максим взглянул вслед оркестру, но интересовали его не фрачные спины трубачей и барабанщиков. За шествием оставалась кровавая полоса мертвых и смертельно раненых горожан, которых прочие, уцелевшие слушатели брезгливо или равнодушно выпихивали на дорогу.

В десятке саженой за процессией двигалась моторная повозка, несмотря на весь производимый ею треск не способная заглушить толпу и валторны. Народ приветствовал служителей Смерти почти так же бурно, как и музыкантов – отчего бы не покричать, если запал не иссяк. Тем более, служители всего лишь собирали трупы в кузов, порой перебрасывая их в жерло передвижной печи. Некоторые из их “клиентов” громко или невнятно, из последних сил призывали Смерть. Уж им-то внимание сограждан к их последним минутам особенно приятно и помогает бестрепетно расстаться с жизнью.

– Ты могла бы оказаться на ее месте, – недовольно проговорил Максим и показал Соньке на тело девушки.

– А, не ври, – отмахнулась девочка. – Ты специально меня дернул, чтобы я ничего не увидела. А я все равно увидела! – Она показала язык. – Пойду куплю себе леденец или коврижку. Ведь у меня есть талер.

– Интересно узнать, кто тебе его дал? – осведомился мальчик. – Украла, поди, из семейной копилки?

Она скорчила рожицу и бросилась поперек улицы, в сторону кондитерской лавки, витрина которой отблескивала на Солнце, маня нарисованными сладостями. Проскочив буквально перед самым капотом похоронного мобиля, она погрозила вознице и затесалась в толпу на противоположной стороне улицы. Впрочем, народ уже расходился, таял словно лед в жаркий весенний полдень, растекаясь по тавернам и лавкам.

Двое людей в серых балахонах склонились над трупом, и один из них вежливо отодвинул застывшего Максима локтем.

– Не мешай, мальчик, – скрипуче, будто голос принадлежал несмазанному механизму, сказал он. И вид у него был весь какой-то неживой, словно слепили его из оплывшего воска, начинив жгутами-венами и пустив по ним черную, затхлую кровь. Максим отшатнулся, наступив кому-то на ногу, и услышал беззлобную брань. Служитель Смерти коротко взглянул в глаза мальчику, словно опалив зимним холодом, и тот едва не крикнул: “Я живой! Меня нельзя в печь!” Но слова будто вмерзли в глотку.

Только через несколько минут он пришел в себя: катафалк давно уехал, а толпа почти рассосалась. Максим плотоядно огляделся – такие шумные праздники идеально годятся для краж. Главное, чтобы тебя не заметили в момент преступления, а там уж не поймают. А если даже и заметят, можно с невинной физиономией протянуть кошелек владельцу и сказать – обронили, мол, сударь.

И все же это было детской игрой – завлекательной, волнующей, необычной, и только. Никаких реальных преступлений Максим не совершал, просто ему нравилось представлять себе, как он окидывает острым взглядом толпу, выискивая гвардейцев и прочих дотошных горожан, запускает руку в чью-то сумку, молниеносно выхватывает кошелек и ныряет в спасительный людской водоворот, приняв туповатый вид. Он так и делал на рынке и во время праздников, разве что факт кражи отсутствовал. Но все равно, и так получалось интересно, почти как у театральных персонажей – отрицательных, конечно, потому что какой настоящий герой присвоит чужое?

Хотя у богатеньких сынков разных промышленников и охотоведов Максим с удовольствием отнял бы их талеры, и ничуть не раскаялся бы.

На этот раз все было почти так же, как и тогда, и жителей Ориена собралось вдоль стен зданий порядочно. Может быть, даже больше, чем обычно – все-таки такое событие, как разгром вражеского десанта, случается слишком редко. В первый раз за всю историю города, насколько можно было судить по учебникам. По случаю такого значительного события муниципия поощрила народные гулянья, позволив гражданам шуметь и ликовать вволю.

Гвардейцы, вчерашние рабочие и оленеводы из окрестных стойбищ, неумело махали штыками, разгоняя особо буйных селавикцев, и некоторым горожанам удавалось избежать карающих лезвий. Максим потыкался туда-сюда и пристроился на высоком уступе возле входа в кожевную лавку: вдыхая терпкий запах товара, он озираал процессию и заодно проникался всенародным восторгом.

Но смотреть на вездесущих служителей Смерти Максим не стал, предпочтя отправиться домой. По дороге он нередко тормозил у витрин, глаза на яркие сласти или железные, раскрашенные игрушки в виде корабликов или винтовок. Несколько раз на заборах и стенах ему попадались аккуратно расклеенные эдикты короля, и среди них Максим увидел два новых, которые раньше не попадались ему. Как истинный гражданин и патриот страны, он ознакомился с ними. Один вводил систему поощрений за уничтожение дольменца – в частности, за бляху или другой характерный предмет, принадлежавший убитому врагу, теперь выдавали продовольственный паек, а не десять талеров.

А вот второй, прочитанный Максимом на два раза, заставил его покрыться холодной испариной и нервно оглядеться, будто он не читал Указ, а совершал преступление. В тексте сообщалось о том, что за использование метрики заведомо погибшего гражданина полагалась смерть, учиняемая после короткого разбирательства. И если существовала хоть малейшая возможность того, что “преступник” мог знать о гибели владельца метрики, его отправляли в объятия матушки Смерти... Максим сразу представил клочок бумаги, заткнутый им в паутинную щель, и перо муниципального служащего, выводящее в грессбухе имя Ефрема. “Ну да ладно, авось пронесет, – подумал он. – Время беспокойное, у благочинных и других забот хватает”.

Уже войдя во двор, он с огорчением вспомнил, что так ничего и не купил на свои деньги – тратиться на пирожки было глупо, а на что-нибудь стоящее не хватало. Да и проклятый Указ о метриках порядком прополоскал мозги. Пока Максим добирался от Дворцовой до Моховой, успело заметно стемнеть, и многие жители дома предпочли разойтись по квартирам. В августе Солнце неохотно выползает из-за горизонта и словно стремится поскорее исчезнуть за ним, оставив людей наедине со звездным небом и ветром с моря, промозглым и стылым, словно дыхание самой Смерти.

– Максим! – В свете газового рожка возникла Еванфия.

– Ну, я...

– Пойдем к нам в игру!

Он присмотрелся к говорливому, будто стая голубей, скоплению темных фигур у скамейки рядом с песочницей: дети и мамы разбрелись по домам, остались только подростки примерно его возраста, всего человек шесть-семь. Остальные гуляющие образовали свои компании, и порой из разных углов двора доносились сдавленный смех и повизгивания, сдобренные “суровыми” голосами или девчачьим воркованием.

– Давай к нам, Макси! – воскликнул Пров. – Мы тут в бутылочку играем.

– Сейчас, – вполголоса откликнулся Максим. – Ты Гаафу не видела?

– Зачем она тебе? – насупилась Еванфия. – Дома небось сидит. Она же без Лупы никуда.

Максим пробормотал извинение и отправился в соседнее со своим парадное. Ефимки жгли ему карман так, словно он долго нагревал их на фонаре. Ему почему-то нравилась Гаафа,

некрасивая девчонка из восемнадцатой квартиры, вечно нечесаная и словно чем-то испуганная. Наверное, потому, что он помнил, какая это была хохотушка еще год назад, когда был жив ее первый парень, с которым она чуть ли не с детства собиралась завести детей. А потом Гаафа вдруг похудела, подурнела и перестала принаряжаться, да Лупа от нее ничего особенного и не требовал, сам был такой же неказистый и к тому же сутулый, будто карликовые березки под выюгой.

Он постучал в облупившуюся дверь, и в ответ раздался нестройный плач нескольких детей и лай собаки. Загремел таз, и Гаафа возникла в дверях с мокрыми волосами и в заляпанном мылом переднике.

– Чего тебе? – хмуро спросила она.

– Вот. – Он погремел в кармане монетами и вынул несколько гривенников. – Лупа просил передать.

Она недоверчиво взглянула прямо ему в глаза, хотя до этого старательно тарасилась куда-то в косяк. Затем стала нервно протирать ладони передником, да только тот все равно был мокрым, и ничего у нее не выходило.

– А сам он?... – Ладно хоть, не стала спрашивать, как ее приятель мог доверить деньги своему недругу – все знали, что Лупа водится с Дроном, а уж о сложных отношениях Гермогена с Макси во дворе был наслышан всякий. Девчонки сочувствовали Дуклиде – как же, видный и смелый Гермоген за ней ухаживает – а вот парни приняли сторону Максима: такого уroda и нахала, как Дрон, еще поискать.

– Возьми. – Он ссыпал в подставленную руку пятьдесят ефимков. Как потратить оставшиеся деньги, можно сообразить и позднее. На сласти для Еванфии хватит, и ладно, а у Гаафы большая семья, пусть свой ребенок у нее пока только один. Ну да все равно, остальные дети ведь не чужие, и разве откажешь сестрам в помощи? – Он не вернется.

Гаафа внезапно выпустила подол, мятым клочком обвисший на грязных коленях. В глубине квартиры кто-то из сестер прокричал нечто требовательное, и она поджала выцветшие губы, торопливо спрятала деньги в кармашек и жалобно улыбнулась Максиму, будто извиняясь. Тот развернулся и двинулся обратно, в прохладную темноту двора. Не выходя на освещенный участок, он прошел вдоль стены, прислушиваясь к смеху товарищей и подруг, и скользнул в свое парадное.

Дуклида встретила его, сидя в кухне с опущенными на колени руками.

– Где ты шлялся? – вскочила она навстречу брату.

– А что, ужин совсем остыл?

– На-ка, почитай! – Она раздраженно бросила ему свернутый вдвое лист, и Максим с трудом поймал его, ощутив пальцами скользкую, словно масляную поверхность документа – бумага была дорогой, с полупрозрачным королевским гербом посередине. – Для тебя есть очень приятное известие!

Дуклида с грохотом распахнула печь и принялась яростно ворошить кочергой угли. Скоровода на плите зашипела, источая запах ржаных лепешек, и вскоре бухнулась перед Максимом на стол, так что лепешки подпрыгнули.

Бумага была простой и ясной, прямолинейной, словно штык, и не допускающей двойного толкования. Как и все бумаги, что выходили из Метрического Приказа. “Максиму Рустикову для безусловного исполнения. Вам надлежит явиться в Муниципацию к 9 часам утра, в кабинет 19. Младший благочинный Метрического Приказа Феофан Парамонов”.

Максим вздохнул и поднял голову. Сестра возвышалась над ним подобно мрачной фигуре матушки Смерти, и отблеск от пламени свечи метался на ее черном лице словно огонь по тонкому хворосту. Ее губы были поджаты, а ноздри раздувались, яростно гоня воздух сквозь легкие.

– Ну? Как все это понимать?

– Да никак! – разозлился Максим и бросил лист на стол. – Откуда я мог знать про эдикт? Их по десять штук на дню печатают!

– Причем здесь эдикт? – испугалась Дуклида и села напротив него, будто ее придавила неведомая сила. – Ты нарушил королевский Указ? Рассказывай! Не молчи же!

Максим достал из щели за шкафом чужую метрику и сбивчиво поведал о том, как выручил порцию торфа по документу Ефрема. “Зато я топливо добыл”, – то и дело втыкал он в речь глупую фразу. Ведь обменять собственную жизнь на несколько брусков гнилого торфа – что может быть глупее? Дуклида не перебивала его, только чем дальше, тем все более безучастным становилось ее лицо, будто она теряла всякий интерес к рассказу брата. В конце концов он, скомкав финал, принялся жевать лепешку, совершенно не чувствуя вкуса.

– Чаю, что ли, возьми... – Сестра плеснула ему кипятка, терпко отдававшего какими-то травами. – Ох-ох, – проговорила она, и Максим вдруг некстати понял, что ей уже дано пора иметь своего ребенка, а не носиться со взрослым братом, словно с младенцем. – Я знала, что ты этим кончишь. Еще когда ты на рынке яблоко утащил. Только думала, что тебя раньше поймают и застрелят... Что ж, значит, так тому и быть. – Она тоже взяла плюшку и стала механически ее пережевывать.

– Я же не знал про эдикт, – вяло повторил Максим. Он полез за деньгами и одновременно с ними вытащил очередную бумагу, врученную ему Фаддеем на фабрике. Может быть, хоть это выведет Дуклиду из ступора. – Ну что ты, в самом деле... Ну, оштрафуют... Да что такое твоирится? Раньше месяцами чужие метрики в королевских лавках показывали, и ничего! Почему вдруг такая напасть?

Но он и не ждал ответа – знал, что военное время предполагает совсем не такие наказания, да и когда в последний раз применялся штраф? Только в учебнике истории о таком и прочитаешь. И вдруг острая и яркая, словно клинок, и такая же переворачивающая сознание мысль ворвалась ему в голову при косом взгляде на письмо из Академии. Не желая расплескать ее, будто она хранилась в блюдце подобно горячему чаю, он отвлекся на деньги и подвинул Дуклиде кучку меди, полсотни ефимков.

– Передашь завтра Ефремовым сестрам, ладно? Сегодня заработал. Наверняка им тоже принесли такую же повестку... – Она дико взглянула на него, будто он рыгнул на общественном приеме в муниципии. – Вот, смотри. – Максим дрожащими от нервного возбуждения руками развернул столичный документ и подвинул его Дуклиде. Сейчас рушилась вся его четырнадцатилетняя жизнь, а впереди неясными призраками вставали другие города и люди, пыль дорог и нависшие над головой лапы елей, роняющие на макушку сухие иглы.

– И что? – Она равнодушно прочитала его.

– Как что? – Максим порывисто вскочил, едва не загасив свечу. – Приглашение от Академии важнее, чем повестка из Метрического Приказа! Я просто уйду с ополчением в Навию, и все дела!

Дуклида отодвинула письмо академиков в сторону, нисколько не заботясь о том, что перпичий жир со стола может оставить на нем пятна. Похоже, все ее эмоции начисто перегорели, словно забытая на ночь свеча.

– Я соберу тебе котомку, – сухо сказала она. – Иди, попрощайся с друзьями. К Дорофее я сама завтра схожу.

– Лучше не надо, зачем зря волновать... А может, остаться? – пробормотал Максим. Ему вдруг стало страшно до полного онемения – кажется, даже просто подняться сейчас не получится. – Спрячусь где-нибудь в подвале, пока не забудут, или за городом...

– Нет уж! Крыса ты, что ли, по подвалам прятаться? Скоро холода наступят, где ты за городом будешь жить? В чуме? Тебя сразу выдадут первому же благочинному, или гвардейцам. Разве ты не мужчина, отвечающий за свои поступки? – Эти же самые слова нередко говорили все старшие женщины в семье. – Не стоит, все равно из этого ничего не выйдет. У меня будет

ребенок, и подвергать его риску я не собираюсь. Ты уйдешь из дому завтра же утром... И может быть, вернешься когда-нибудь, если на то будет воля матушки Смерти, не раньше.

Она была права, и Максим промолчал – глубоко внутри тугим комом застыли все ненужные теперь слова. Какой смысл сожалеть, что здесь станет обитать Дрон? Так даже лучше, он тип пронырливый, сумеет и сам выжить, и пропитание для семьи добыть. Вот только неясно, будет ли с ним Дуклиде безопаснее, особенно если припомнить загадочную смерть Трофима.

Весть о будущем ребенке показалась незначительной, будничной, хотя еще вчера Максим наверняка был бы раздираем пышным букетом самых разных чувств.

– Почему так все происходит? – сорвалось у него. – Как будто кто-то нарочно посылает на меня в один день все беды, какие только можно вообразить. – Дуклида молчала, явно не понимая. – Хорошо, пусть уйти из дома, в котором прожил четырнадцать лет – обычное дело и случается почти с каждым. Но мне-то приходится не просто уйти, а уехать в другой город. К людям, которых я и не видел-то никогда! Пусть никто меня там не выгонит и у меня есть королевская бумага... – Дуклида ничего не говорила, но Максим не мог остановиться и продолжал: – Но ведь сегодня погиб Ефрем! Я сам должен был освободить его, но не смог. Разве это правильно? Он мог выжить, а его убили гвардейцы.

– Малыш, с тобой все в порядке? – озабоченно спросила сестра и подошла к нему. Ее ладонь легла ему на макушку и двинулась вниз, приглаживая взъерошенные волосы. – Никто не вправе сомневаться в правильности того, что совершается по воле матушки Смерти.

Максиму вдруг представилось, что это не сестра стоит рядом с ним, а Мавра – такими вдруг знакомыми и родными, при этом отстраненными, будто доносились из толщи лет, показались ему простые слова Дуклиды. Первые наставления, когда Мавра вытирала ему нечаянную слезу при виде мертвого брата с забытым теперь именем... “Он теперь на Солнце, – успокаивая, доносились сквозь годы слова матери. – Дух его легок, как летний ветер, и быстр, словно песок, что нагоняет мышь. Чувствуешь, как там тепло? Если наклонишься к огню, ты почувствуешь это. Горящая земля – вот то, что остается нам от наших родителей, братьев, сестер и детей...” – “Я не понимаю!” – “И не нужно. Просто поверь. Когда-нибудь и мы, пройдя через освобождение и тлен, будем гореть в каминах и печках людей. Иначе великая тьма опустится на землю, а свет жизни погаснет”.

– Это неправильно, – сказал Максим. Рука Дуклиды окаменела и перебралась ему на плечо.

– Что именно?

– Почему во всем виновата матушка Смерть? Как она может следить за каждым и решать, кому разрешить умереть, а кто еще должен пожить? Не понимаю, почему должен был погибнуть Ефрем, а не я? Осколок снаряда мог попасть в меня!

– Какой ты еще все-таки мальчишка, – вздохнула сестра. – Что ты пытаешься объяснить? Как ты, человек, можешь понять поступки Смерти?

– И все-таки я пойму их, – отрезал Максим. – Если Она позволит мне это!

Он поднял голову к потолку, будто невидимые божества, их желания и прихоти, наполняющие мир своим присутствием, корежащие его по своему непостижимому разумению, могут иметь какое-то точное или хотя бы приближенное месторасположение.

“Мир изменчив, он никогда не походит сам на себя, если глядеть на него с высоты Солнца. А этот сын самой Тьмы видел многое, как и дочь его – Луна. Глядя на мир с разных боков, они могут сравнивать впечатления, делясь ими в редкие по людским меркам моменты слияния. Что для них человек? Они не замечают его, даже когда ночь взрывается огнями фейерверков

– ведь остались еще в недрах полумертвого космического тела, давно растратившего свой жар, редкие капли огня, словно в попытке напомнить о себе рвущиеся в небо. Пройдет еще немного времени, и застынет магма, иссякнет интерес Солнца, уже сейчас равнодушного к игрушке своей дочери. Слишком коротка и недолговечна оказалась их любовь, и льды наползают на мир, словно сытые моржи на каменистый берег моря. Там, где еще на памяти наших предков снег приходил на три-четыре месяца в год, он теперь лежит по восемь-девять, а там, где от зноя плавильлись камни, ныне лишь размываемые дождями пески напоминают об этом”.

Максим отодвинул древний том. Он уже давно понял, что его родина в действительности – очень суровое и малопригодное для жизни место, а теперь автор трактата подвел под его мнение научную основу. Перейдя к последним страницам книги, Максим наткнулся на графики температуры, наблюдавшейся в разных местностях на протяжении последней сотни лет. “Стоило ли так витиевато рассуждать о простых и разумно толкуемых в терминах науки явлениях? – подумал он об авторе, некоем Модесте Капитонове. – Как будто не ученый труд листаешь, а поэму о природе”. Он подкрутил фитиль лампы, отодвинув границу светлого круга, в котором находился, и вновь принялся читать, открыв начало раздела “Подземная активность и светила”:

“Будучи напрямую связанной с благоволением Солнца и Луны, а также прародительницы их Тьмы, погода чувствует всякое охлаждение с их стороны, даря в неурочное время снега и метели. К примеру, многолетние измерения границы льдов выявили их неуклонное сползание к югу. Тепло недр, очевидно, также зависит от расположения Солнца, поскольку уже не так активно противостоит похолоданию, все реже одаряя жителей проливами магмы и горячими источниками...”

-9

В кармане брякало полталера, и он зажал их в кулаке. Звезды только недавно пропали на синеем небе, которое быстро, неотвратимо осветлялось братом Солнце.

Максим свернул с Восстания на Совиную, покаясь на свое отражение в заиндевевшей витрине обувной лавки, и едва не наткнулся на столб, чем вызвал усмешку прохожего. Хорош бы он был, добавив к вчерашней ссадине новую.

Многие уже покинули квартиры и торопились на службу, подняв воротники и глубоко засунув руки в карманы плащей. Из ртов пешеходов вырывались облачка пара. Тарахтели механические повозки, подскакивая на дорожных выбоинах. Сердце Максима на секунду сбилось с ритма, когда в просвет улицы 5-го Мая он увидел угол муниципии, где через десять минут ему была назначена встреча с Парамоновым. Солнце даст, благочинный Феофан никогда не дождетя вызванного им горожанина.

Совиная плавно перешла в Проезжую, та нырнула в ложбину между невысокими холмами с редкими кубиками домов и уперлась в заставу. Тут уже кипела необычная для этого захолустного места активность. Телеги с парами и тройками оленей толклись, будто на Празднике Севера, провожающие и новобранцы обнимались, словно прощаясь навеки – скорее всего, так оно и было, – офицеры криками и выстрелами старались привести толпу хоть в какой-то порядок, но тем самым лишь раззадоривали ее и пугали ездовых животных. Вокруг окрашенной в черно-белую полоску заставы сновали деловитые торговцы с лотками, предлагаю разную необходимую в дороге утварь, но гвардейцы беспощадно гоняли их. Один из купчишек, приметив Максима, слишком резко метнулся к нему, оторвавшись от скопления людей, за что и получил пулю в спину.

– Вот урод! – в сердцах высказался лейтенант, и непонятно было, в чей адрес он выражается – то ли распластанного на камнях торговца, то ли гвардейца, его подстрелившего. – Живо оттааскивай! – приказал он нервному солдату.

Максим успел подобрать несколько плюшек, еще теплых, остальные в момент расхватали ловкие новобранцы. Распустив веревку у котомки, Максим опустил туда приобретение, раздвинув ворох запасного белья. Искать на дне пакет с пайком было лень.

– Ты кто, парень? – резко спросил офицер. Рядом всхрапнул олень, бурно отреагировавший на выстрел, и Максим вздрогнул. – Ну? – Рука лейтенанта метнулась к боку, где у него висел в кобуре пистолет.

– Вот предписание на учебу в Академии! – Бумага вкупе с метрикой моментально легла в подставленную ладонь лейтенанта.

– Эй, не раскисать! – приказал тот подчиненным. – Следить за периметром, дорогой и купцами! Ты куда? – Он ухватил свободной рукой пробежавшего мимо мальчишку лет семи и встряхнул его за воротник.

– Папку провожаю, – пискнул тот, вывернулся и убежал за телегу.

– Безобразие, – проворчал лейтенант. Бегло взглянув на документы Максима, он порывисто сунул их владельцу и махнул в сторону заставы: – Там твой старшой, Элизбаром кличут. Весь в коже, за шлагбаумом. – И тотчас отвлекся на приближение очередного транспорта, на этот раз мобили, водитель которого вздумал расчистить себе дорогу с помощью гудков. – Стой, паразит! А ну тормози! – И выпалил в морозное, почти посветлевшее небо, наполненное дыханием людей.

Максим поспешил удалиться, протолкался сквозь гомонящую семью, в центре которой гордо красовался новобранец в великоватом армейском полушубке, перепоясанном широким ремнем, и уперся в полосатый шлагбаум.

– Вот Смерть, – услышал он жалобный голос. Перед ним в неловкой позе стоял парень примерно одного с Максимом возраста, губы его обиженно кривились, а правая ладонь без рукавицы лежала на трубе шлагбаума. Ростом он был меньше Максима на пару вершков, весь аккуратный, словно собрался на выпускную вечеринку в школе, в светлой рубахе, воротник которой изысканно торчал из-под толстого вязаного свитера. И курточка у него была новой, почти не протертой. В ноздре широкого, непропорционально крупного носа мальчишки поблескивала прозрачная капля.

– Что-то не так? – спросил Максим. Жалкий вид парнишки позабавил его, прошло даже волнение, охватившее его при виде толпы и во время разговора с офицером.

– Примерз!... Задел эту проклятую трубу и примерз.

– Ну все, простоишь тут до полудня, пока она не отогреется, – авторитетно заметил Максим. – Небось сопли руками вытирал?

Парень шмыгнул и наклонился, истово задышав на место крепления руки и шлагбаума. Внезапно позади него возникла телега с тройкой оленей, и одно из животных зацепило его куртку, буквально сдернув с места. Примороженный взвизгнул, словно его топчут копытами, и перемахнул через ледяную трубу, будто спортсмен на состязаниях.

В то же мгновение он испарился в гомонящей толпе.

– Неловко-то как получилось, – покачал головой охотник и тронулся с места. – Не бойсь, Рожок... – Он похлопал по боку испуганного толпой и криками оленя. – Убег уже... – Телега с протяжным скрипом поворотилась к Проезжей.

Максим огляделся и заметил у стены заставы небольшую группу ребят, заметно отличавшихся от новобранцев своей явно гражданской, разношерстной экипировкой. Они собрались возле заиндевшего мобили, черного и настолько крупного, что в него мог бы поместиться целый школьный класс. Среди них выделялся довольно взрослый человек в богато отделанной кожаной куртке: ее круглые, металлические заклепки поблескивали в свете восходящего

Солнца. На голове у него красовалась кожаная же кепка с меховыми наушниками, а перчатки едва не достигали локтей. Он поминутно шевелил пальцами, словно мял нечто невидимое, и равнодушно поглядывал то на окружавших его парней, то на толпу, а то и пинал колесо мобиля мощными ботами, вызывая гулкий, какой-то утробный звук, слышимый даже в таком гаме.

– Доброе утро, сударь, – сказал Максим, приблизившись к этому человеку.

Белые от влажного дыхания усы человека дернулись, скрывая мимолетную гримасу. Не ответив, он вынул из-за пазухи зеленоватый свиток и провел по тексту пальцем.

– Кто таков?

– Максим Рустиков, сударь.

– Один остался. Где, Смерть побери, этот господин Наркисс?

– Не знаю, о ком вы говорите, сударь, – вежливо проговорил Максим. Не хватало еще вызвать недовольство этого строгого типа и остаться в Ориене.

– Неудивительно, – хмыкнул человек. – Можешь звать меня Элизбаром.

Максим промолчал, отодвигаясь к группе попутчиков, и тут же увидел бывшего примороженного к шлагбауму. Он неуверенно проталкивался сквозь скопление телег, оленей, провожающих и новобранцев. Народу вокруг становилось все больше, что вынуждало Элизбара поминутно выкрикивать жуткие угрозы, а иначе его массивный мобиль уже наверняка получил бы повреждения. Присмотрев Максима, парень почему-то обрадовался и вскоре возник рядом.

– Ты Наркисс, что ли? – накинулся на него старший.

– Наркисс Филимонов, сударь, к вашим услугам, – пискнул тот ошарашенно.

– Где шляется? Услугам... Из-за тебя чуть мобиль не потерял! – Несчастный парнишка в горестном недоумении закатил глаза, приваливаясь к железному боку машины. – Живо садимся! – Элизбар принялся подталкивать подопечных к дверце в бок, распахнул ее, и будущие “академики” стали втискиваться в темное, пропахшее кожей нутро повозки.

– Остановитесь, сударь! – вскричали вдруг поблизости. Элизбар со встопорщенными усами обернулся на возглас – к нему, отпихивая людей, спешил лейтенант. В руке у него имелся свиток с болтающейся на нитке печатью. – Вот, ознакомьтесь, – запыхавшись, сообщил офицер. – А вы, ребята, вылезайте-ка обратно.

Максим похолодел и отступил за спины ребят: неужели пронырливый благочинный успел пронюхать, куда подевался преступник, и направил по его следу гвардию? К счастью, кинуться прочь он не успел, – ноги у него словно примерзли к почве, – и потому услышал довольно резкий ответ владельца тарантаса.

– Это против всяких правил! – вскипел Элизбар. – Вы не можете отнять у меня мобиль!

– Могу, сударь, могу, и даже имею право. Военное время, и все гражданские мобили в случае необходимости изымаются для нужд армии. Читали эдикт Его Величества? Извольте отойти от дверцы и отозвать ваших учеников.

– Мне потребен транспорт для доставки людей в Навию, – бешено проговорил провожатый. – Я также выполняю королевский эдикт, не желаете ли ознакомиться с ним?

– Не извольте волноваться, вы поедете в нашем маркитантском обозе. Вашей команде уже выделен фургон. А вы сами, если хотите, можете проехать с офицерским составом до Лихая, чтобы последить за своим казенным мобилем. Однако уверяю вас, с ним ничего не случится, в Лихае он будет вам возвращен. Поймите же, сударь, городской голова распорядился обеспечить армию транспортом для доставки в Навию. Поскольку штабной мобиль временно вышел из строя, я вынужден воспользоваться вашим, как самым вместительным в Ориене.

Подоспевший капрал в шоферской кепке споро отогнал машину в сторону, отчаянно гудя клаксоном, черный дым из выхлопной трубы рассеялся ветром, и выяснилось, что на дороге уже готовится к выступлению первая колонна новобранцев. Они нетерпеливо подпрыгивали, проверяли котомки и кричали что-то прощальное родичам, запрудившим обе стороны тракта. Сзади на шлагбаум, отделивший колонну от толпы, напирала еще несколько десятков молодых

солдат, а за ними виднелись и другие, кому пока не находилось места подле заставы. Наверное, они просто явились на сборный пункт раньше назначенного им времени.

– Вперед! – не по-уставному, надсажаясь крикнул другой капрал, в ответ заверещали и захоркали олени, толпа прынула было к новобранцам, но хлесткие как удары бича выстрелы остановили ее. В небо взлетели шапки, платки, картузы и прочие предметы одежды, раздались крики: “Возвращайся с победой!”, “Смерть дольменцам!”, “Петруша, сынок!” и прочие в том же духе. Топоча так, что земля под ногами вздрогнула, нестройно и невпопад новобранцы двинулись по тракту. Колонну замыкал еще один капрал, который вскоре ловко вскочил на телегу с припасами, уже оберегаемую чернявой маркитанткой. Следом за этой телегой выехало еще несколько запряженных оленями транспортов – все они были нагружены разнообразными мешками, котлами, мисками и прочими вещами, потребными в военном походе. Особо выделялась передвижная печь с высоко задранной в небо, прокопченной трубой. К ней намертво крепилась емкость, заполненная торфяными брусками.

Среди всего этого имущества располагались женщины – они были озабочены его сохранностью и хворостинами отгоняли мальчишек, пытавшихся утянуть что-нибудь из телег. Несколько ребятишек сложили головы тут же: один неловко угодил под колеса, а пара других была застрелена солдатами ориенского гарнизона в момент стаскивания утвари с телег. Правда, и затеряться в толпе с добычей удалось не одному воришке.

– Загружайся! – зло вскричал лейтенант, подталкивая Максима в бок. Отчаянно скрипя колесами, откуда-то вырулил массивный фургон, накрытый рваной парусиной, необыкновенно грязной.

– Давайте, давайте, – хмуро поддержал офицера Элизбар. – Но я буду жаловаться в Королевскую канцелярию!

Обгоняя друг друга, будущие ученики ринулись к повозке и на ходу стали нырять в ее пропахшее плесенью нутро. Возница, погонявший тройку мощных оленей, и не подумал притормозить, и Максим больно ушибся о собственную котомку – слава Солнцу, не раздавив при этом жестяную банку с кашей. Пассажиры наспех расположились в фургоне, стараясь не размахивать ногами-руками. Тут было тесновато, и нарваться на ответный тычок никому не хотелось.

– Залезли? – зачем-то поинтересовался Элизбар, хотя ему с широкого облучка все было видно намного лучше, чем его подопечным.

Максиму досталось самое дальнее место. Свисавшая парусина хлопала на ветру, и сквозь белую щель врывался прохладный воздух. Он выглянул наружу: возле заставы выстраивалась следующая колонна новобранцев, и картина повторялась. Какое-то время в полумраке фургона были слышны лишь скрип осей да приглушенное дыхание пассажиров, но вскоре самый общительный не выдержал и сказал:

– Ну что, парни, наконец-то едем в столицу? Будем знакомы! Меня зовут Савва.

– Да уж, едем отлично, – отозвался кто-то, невидимый Максиму, – лучше не бывает. Я Акакий. И долго нам так трястись, интересно?

– Ты что, в географии слаб? – насмешливо заметил третий, одышливый и пухлый пассажир. – Три дня, никак не меньше! А потом еще паровозом неделю, если нам мобиль не вернут.

Постепенно все познакомились и выяснили, кто в чем силен. Большинство, как и предполагал Максим, работало в разных мастерских, как правило начинающими конструкторами или их помощниками. Ефрему здесь, одним словом, было самое место, и Максим не стал признаваться, что его рабочим инструментом была вовсе не чертежная доска, а попал в набор он случайно. Впрочем, название его фабрики вызвало мгновение уважительного молчания, и с расспросами никто не пристал.

– Ну а ты, Наркисс, чего молчишь? – насмешливо поинтересовался Савва у парнишки, что примерзал к шлагбауму. Тот смущенно скривился и пробормотал:

– Я в Приказе работал, архивном...

Секунду в фургоне было тихо, а затем со всех сторон грохнул смех, да такой залиvistый, что полог в передней части откинулся и в ярком пятне возникло пятно Элизбарово́й головы с торчащими в стороны кончиками усов.

– Тише, вы! – прикрикнул он. – Разошлись тут... Оленей испугаете. – И вновь наступила полутьма.

– В Приказе... – давясь от хохота, прошептал Пимен, худой словно рыбий скелет ученик, однако с заметно щетинистыми щеками. – Надо же. Небось бумажки с места на место перекладывал.

– Я патентами занимался, – обиженно ответил Наркисс. – Я хорошо изучил историю техники и знаю про все крупные и мелкие изобретения, кто их совершил и где они применяются. Ко мне все заявки на патенты приносили, чтобы я проверил их оригинальность.

Первая стоянка случилась далеко за полдень, когда все пассажиры фургона успели не только перезнакомиться, но и порядком распотрошить содержимое своих котомок.

– Поедайте свои харчи, пока не протухли, – с усмешкой сказал им Элизбар. – Теперь вы на королевском обеспечении.

Растянувшийся на полверсты караван замер между двумя колоссальными сопками, редко поросшими карликовым лесом. Солнце успело раскопегариться и теперь поливало землю с запада, заставляя ребят париться в куртках. Максим скинул свою, оставшись в новом, недавно связанном Дуклидой свитере, и спрыгнул на сухую, крошащуюся землю. Дождей не было слишком давно, и придорожная трава выглядела жухлой. Прохладный ветер сносил облачка и редкий гнус к югу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.